

В. ВВЕДЕНСКИЙ

Старосветские убийцы

Романы об эпохе зарождения русской криминалистики

Илья Тоннер и Денис Угаров

Валерий Введенский
Старосветские убийцы

«ЭКСМО»

2015

Введенский В. В.

Старосветские убийцы / В. В. Введенский — «Эксмо»,
2015 — (Илья Тоннер и Денис Угаров)

Осень 1829 года, Смоленская губерния. У местного помещика князя Северского свадьба! Гостеприимный дом, праздничный стол, красочный фейерверк — казалось бы, ничто не предвещает беды. Но судьба распорядится иначе... Утром после пышного гулянья князь найден мертвым в своей постели, но в его объятиях не новобрачная, а любовница Настя! Основная версия смерти — отравление угарным газом. Добровольных «сыщиков» набирается целая усадьба: путаются под ногами, мешают каждому шагу. И больше всех — доктор из Петербурга Илья Андреевич Тоннер, у которого есть совсем иная версия произошедшего...

Содержание

Пролог	7
Часть первая	11
Глава первая	11
Глава вторая	19
Глава третья	25
Глава четвертая	32
Глава пятая	39
Глава шестая	45
Глава седьмая	56
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Валерий Введенский Старосветские убийцы

Действующие лица:

Князь Василий Васильевич Северский

Его домочадцы:

княгиня Анна Михайловна Северская, мать

княгиня Елизавета Петровна Северская (до замужества с Северским носила фамилию Берг), жена

Дмитрий Александрович Карев, кузен

Антон Альбертович Глазьев, врач матери

Анастасия Романовна Петушкова, компаньонка Анны Михайловны Северской

Петр Тимофеевич Петушков, управляющий имением Северских, дядя Анастасии

Его соседи-помещики:

Осип Петрович Мухин, предводитель уездного дворянства

княгиня Варвара Петровна Кусманская

Андрей Петрович и Вера Алексеевна Ростоцкие

Мария Андреевна и Лидия Андреевна Ростоцкие, их дочери

Ольга Митрофановна Суховская

Иван Фомич Горлыбин, помещик

Павсикакий Павсикакиевич Киросиров, капитан-исправник

Гости в имении Северских:

Павел Павлович Веригин, генерал-майор

Николай Щетнев, корнет, его адъютант

Корнелиус Роос, путешественник, этнограф

Федор Максимович Терлецкий, его переводчик, чиновник Третьего Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии

Илья Андреевич Тоннер, врач

Александр Владимирович Тучин

Денис Кондратович Угаров

Анджей Шулявский

Михаил Ильич Рухнов

Пантелей Акимович Худяков, купец

Слуги в имении Северских:

Никодим, егерь

Григорий, лакей

Екатерина, горничная

Савелий, старший конюх

Лукерья, его жена

Глаша, его дочь

Дворецкий

Прочие:

Сочин, станционный смотритель

Марфа, его жена
Степан и Порфирий, земские заседатели (помощники капитан-исправника)
Павел Игнатьевич, управляющий имением Елизаветы Петровны Берг
Данила, дядька Тучина и Угарова
Кшиштоф, слуга Шулявского
Петруха, денщик генерала Веригина
отец Алексей, священник

В романе косвенно цитируются следующие произведения:

А. С. Пушкин. «Путешествие в Арзрум во время похода 1829 года», «Песнь о вещем Олеге», «Евгений Онегин».

А. Чужбинский. «Очерки прошлого. Город Смуров» (по книге Е. В. Лаврентьевой «Светский этикет пушкинской эпохи»).

А. А. Дмитриев. Статья в «Историческом вестнике» № 10 за 1901 г. (по книге Е. В. Лаврентьевой «Повседневная жизнь дворянства пушкинской поры. Приметы и суеверия»).

Пролог

Поверх одежды Тоннер надел длинную, до пят рубашку наподобие ночной – из грубого холста, всю в ржавых пятнах. Затем из потертого саквояжа Илья Андреевич вытащил кожаный фартук.

– Помогите-ка завязать, – доктор нацепил на шею фартук и повернулся к Денису Угарову спиной. Пока тот крутил узел, Тоннер надел длинные, по локоть, кожаные перчатки. – Многие мои коллеги работают без них, но сие небезопасно. Ведь мертвое тело содержит токсины, которые через порезы и ссадины на руках могут попасть в организм секциониста, – обстоятельно пояснил доктор.

Потом достал из саквояжа лицевую повязку с четырьмя тесемочками, но, покрутив в руке, положил обратно:

– Труп свежий. Гниение только началось. Обойдусь!

Вскрытие решили провести на полянке в парке при естественном свете. Доктор Тоннер раскрыл несессер. Обычно путешественники возят в таких предметы дорожного туалета, но у Илья Андреевича он был заполнен заботливо прикрепленными к стенкам скальпелями, хирургическими крючками, пинцетами, иглами. Кроме медицинских инструментов, имелись две английских пилы, большая и маленькая, долото, молоток, пять пар ножниц различной формы и множество предметов, названий которых Денис не знал. Он старался не смотреть на прикрытое простыней тело, лежавшее на длинном кухонном столе. Боязно! Он впервые столкнулся со смертью столь близко: отец умер, когда Дениска был совсем мал, а потом Бог миловал, все родные и близкие пока живы-здоровы.

Федор Максимович Терлецкий взялся за края простыни, чтобы сдернуть, но его схватил за руку капитан-исправник Киросиров:

– Святотатства не допущу!

– Подите прочь! – рявкнул на исправника Терлецкий. Споры – вскрывать или нет – были позади, и решение принято.

Киросиров от окрика вздрогнул и, скрипя зубами, отпустил руку Терлецкого, Федор Максимович откинул простыню. Угаров заставил себя посмотреть, но толком разглядеть покойницу не успел.

– Денис Кондратович, – обратился к нему Тоннер. – Начинайте записывать. Диктовать буду медленно, чтоб успевали.

Молодой человек тут же малодушно отвернулся, сделав пару шагов, уселся за маленький стол, порадовавшись, что может углубиться в писанину и не пялиться на мертвеца.

– Сей судебно-медицинский протокол составлен второго дня месяца сентября одна тысяча восемьсот двадцать девятого года в усадьбе Носовка Н-ского уезда Смоленской губернии.

Далее Тоннер назвал имя, фамилию, возраст покойной, поименовал членов комиссии, причем Угарова обозначил писцом, американца Рооса – понятым, а доктора Глазьева – своим помощником.

– ...решение о вскрытии принял капитан-исправник Киросиров!

Тот аж задохнулся от подобной наглости:

– В таком случае немедленно прекратить!

Тоннер, не меняя тона, поправил:

– Вместо исправника пишите: «Чиновник Третьего отделения Терлецкий».

Денис удивился. Вот не думал, что высокий увалень в таком ведомстве служит!

– Я чин не полицейский. Боюсь, требуемого распоряжения отдать не могу, – выразил опасение Федор Максимович. – Может, вызовем кого из уезда?

– Подозреваемый мною яд разлагается быстро. Пока ждем – упустим время. Так что продолжим! – Тоннер быстро осмотрел одежду покойной. – Крови, следов ожогов или ударов на ночной рубашке не обнаружено. Чтоб не возиться, с вашего позволения, я ее разрежу.

Терлецкий кивнул. Денис услышал металлический стук ножниц и треск ткани.

– За исключением синюшного цвета, ничего примечательного в кожных покровах умершей нет. Истинную причину смерти надеюсь найти в желудке, поэтому вскрывать головную и грудную полости надобности не вижу. Начну сразу с брюшной. – Илья Андреевич взял скальпель. – Антон Альбертович, – обратился он к доктору Глазьеву, – просьба к вам: поясните присутствующим смысл моих манипуляций.

– Постараюсь, – промямлил местный эскулап.

«Бояться надо не мертвых, бояться надо живых», – вспомнил вдруг маменькины слова Денис и, собрав волю в кулак, встал и решительно подошел к длинному столу.

Первый разрез Тоннер сделал по центральной белой полоске, хорошо заметной на животе умершей. Скальпель чиркнул от окончания грудной кости до самого лобка. Пупок доктор рассекать не стал, а обошел острием чуть левее. Угаров ожидал, что из живота хлынет кровь, но ошибся – лишь на скальпеле появилась темно-бордовая полоска. Вторым разрезом, горизонтальным, тоже не затронул пупок, лезвие прошло чуть ниже. Аккуратно подрезав скальпелем, Илья Андреевич отвернул лоскуты кожи по углам, оголив чревные мышцы.

– Это – брюхо, – глубокомысленно пояснил Глазьев.

Следующий, более глубокий разрез Тоннер сделал снова по белой линии: разъединив скальпелем мышцы, начал раздвигать их крючками, похожими на изогнутые вилочки.

Местный доктор отбежал в сторону, его вывернуло. Тоннер, не прекращая своих манипуляций, цинично заметил:

– Вот кстати. Рвотные массы Глазьева мы подвергнем тем же исследованиям, что и содержимое желудка покойницы. Для сравнения, так сказать.

Денис решился заглянуть внутрь чрева. По его представлениям, органы в животе висят на позвоночнике, как игрушки на рождественской елке, а между ними зияют пустоты. Но оказалось иначе. Никаких пустот! Содержимое брюха утрамбовано, словно шубы в сундуке. Как же доктор найдет тут желудок? Угаров полагал, что сей орган расположен по центру живота, однако Тоннер засунул руку под грудную клетку:

– Сейчас наложу в дюйме друг от друга две крепкие нитки на пищеводный канал. Как бишь его по-латыни, Антон Альбертович? Не помните?

Глазьев помотал головой. Мол, плохо очень, вот память и отказывает.

– Oesophagus! – ответил сам себе Илья Андреевич. – Следующей ниткой перевяжу двенадцатиперстную кишку.

Кишки, это Денис знал точно, выводят переваренное наружу. Однако трубочка, на которую указал доктор, уходила куда-то вверх, под ребра. Перевязав ее, доктор отсек скальпелем пищевод и двенадцатиперстную кишку, а потом, подрезав какие-то пленочки, аккуратно высвободил желудок.

– Крючки можно отпустить, а покойницу на время прикроем.

Держа в руке желудок, оказавшийся невзрачным изогнутым мешочком, Тоннер подошел к столу, где лежали бумаги.

– Переместитесь-ка с протоколом к труп, – велел он Угарову. – А здесь я устрою маленькую химическую лабораторию.

Одно дело смотреть за вскрытием через плечо, совсем другое – сесть за стол с мертвецом. Тут и опозориться, как Глазьев, недолго. Но деваться было некуда, и Денис перенес бумаги, пристроив их в ногах покойной.

Доктор же, положив желудок в фаянсовый сосуд, снова взялся за скальпель. Вскрыв «мешочек» по всей длине, Тоннер вылил его содержимое в стеклянный кувшин.

– Так-с. В другой кувшин поместим рвотные массы Глазьева и проделаем те же манипуляции, – пояснил доктор. – Антон Альбертович, – обратился он к уже оправившемуся коллеге, – отнесите-ка желудок на секционный стол. Здесь мало места, мешает.

Глазьев осторожно, держа фаянсовый сосуд на вытянутых руках и стараясь в него не заглядывать, отнес препарат на другой стол, поставив поближе к покойной хозяйке.

– Какой яд ищите? – осведомился господин из Третьего отделения.

– Самый убийственный! – ответил Тоннер. – *Acidum borussicum*, в России именуемый синильной кислотой.

– Я читал, смерть от нее мгновенна, – вспомнил Терлецкий.

– Если вдохнуть. – Доктор, отвечая на вопросы, не прекращал манипуляций. В оба кувшина добавил горячей воды, дал получившимся растворам отстояться, а затем аккуратно слил верхние, почти прозрачные слои в два винных бокала. – Но сей способ опасен для самого отравителя. Вдохнет случайно – и последует за жертвой. Поэтому травят либо раствором кислоты, либо ее солями.

– Чем чаще? – заинтересовался Терлецкий.

– Конечно, солями. Раствор слишком быстро выдыхается, после чего становится почти безвредным: ну поболит у жертвы голова, ну помучается животом – и снова жива-здоровая.

– Вы так хорошо про это знаете. Неужто опыты ставили? – с подозрением спросил исправник Киросиров.

– Нет, книжки читал, – парировал Тоннер. – А вот соли синильной кислоты очень удобны. В виде порошка могут храниться сколь угодно долго. В удобный момент высыпать его в еду или питье – и через несколько минут, максимум через час, жертва мертва.

– Позвольте! – вмешался вернувшийся к ним доктор Глазьев. – Я слышал, убитые синильной кислотой пахнут горьким миндалем! А у нас такого запаха не ощущается!

– Хороший вопрос! Раньше оную кислоту добывали лишь из миндаля или родственных ему растений. Абрикос, слива, вишня – все они содержат в косточках эту отраву.

– Не может быть! Я всегда абрикосовую косточку раскалываю и ядрышко съедаю! И ни разу не умер! – пошутил Денис.

– Чтобы отравиться, надо штук двести съесть, а то и больше, – разъяснил Тоннер. – Но вернемся к запаху. Недавно открыли более простой способ получения синильной кислоты. Возьмите кровь...

– Чью? Свою? – ужаснулся капитан-исправник.

– На бойне! Там же можно рога с копытами прихватить, тоже сгодятся. Прокалите все это с поташем и железными опилками – получатся кристаллы ярко-желтого, скорее даже лимонного цвета, по-научному, желтая кровяная соль. Если кинуть их в серную кислоту – получится синильная. И никаким миндалем она не воняет!

– Почему? – спросил Терлецкий.

– Точно пока неизвестно! Предположу, что кислоту из косточек просто не умеют отделять от какого-то пахучего вещества.

Тоннер достал из несессера баночку. Выдернув плотно притертую крышку, он достал щепотку зеленоватого порошка и разболтал в склянке с холодной водой. Получившийся раствор осторожно добавил в каждый из бокалов. В «глазьевском» жидкости начали лениво перемешиваться. В бокале покойницы на дно стали быстро падать неизвестно откуда взявшиеся ярко-синие хлопья.

– Железный купорос! – потряс баночкой с зеленоватым порошком Тоннер. – Идеальная «ищейка» синильной кислоты! Что ж, господин исправник, ваши надежды на банальный угар выпали в осадок!

– Шарлатанство, понимаешь, алхимия! – Киросиров и не думал сдаваться. – Никакой суд, как говорится, не поверит!

– В высочайше утвержденном в этом году «Наставлении, как врачи должны поступать при исследовании мертвых тел», – тоном профессора за кафедрой начал вещать Тоннер, – также рекомендуется в подобных случаях провести испытания с селитроокислой медью. В этом случае цвет осадка получится темно-бурым. Возможен эксперимент с серноокислым цинком – окраска будет белой. Если купорос не убедил, что ж, извольте смотреть далее.

Денис Угаров обернулся: не улетели ли вверенные ему бумаги? И обнаружил на столе рядом с покойной старую ворону. Она обнаружила вскрытый желудок и с упоением его клевала. Возмущенный святотатством, Угаров громко хлопнул в ладоши. Все обернулись, он кивком указал на птицу. Ворона не улетела, только подняла голову и внимательно посмотрела на Дениса. Мол, чего шумишь? Угаров нагнулся за камнем, но в эту секунду ворона неожиданно завалилась на бок и стала судорожно хватать клювом воздух. Потом дернулась несколько раз, и через несколько мгновений количество покойниц на столе удвоилось.

– Еще доказательств желаете-с? – ехидно спросил исправника Тоннер. Тот помотал головой. – Тогда я зашью усопшей брюхо и закончу диктовать протокол.

– А вот и генерал, – обратил внимание собравшихся Терлецкий, указав на пожилого военного, который шел к ним от усадьбы.

– Судя по его лицу, – кинул взгляд на генерала Тоннер, – хороших новостей он не привез.

Часть первая

Глава первая

Днем ранее...

– Доброе утро!

Дремавший смотритель встрепенулся и тут же широко зевнул, продемонстрировав редкие желтые зубы:

– Доброе, доброе! Раненько прибыли, семи еще нет. Не изволите ли подорожную-с? И в пачпорт дозвольте глянуть.

Доктор Тоннер подал документы и, пока старик рассматривал их подслеповатыми глазами, оглядел станцию, ничем не отличавшуюся от тысяч таких же, раскиданных по необъятной стране: разделенная русской печкой изба, в рабочей половине – конторка смотрителя да лавки для проезжающих.

– Хорошо, что по казенной надобности, – тщательно записывая сведения в грессбук, сказал смотритель и кивнул на лавку, где дремали двое мужчин. – Поперед их отправитесь. Это ж надо! На казенных лошадях по пустому делу едут!

– По какому делу? – переспросил доктор.

– Вон тот худой, – старик указал на одного из сидевших, – иностранец. Из самой Америки до моей станции добрался. Дел, что ли, у него дома нет?

– Купец? – предположил Илья Андреевич.

– Кабы купец! Нас приехал изучать! А зачем, спрашивается? Что мы, турки какие? – Словоохотливый старичок привстал с места. – Он сам как турка. Русского не знает, нанял в Смоленске толмача. Вот оба и дрыхнут. Так-с! Документы ваши готовы-с.

Смотритель вернул Тоннеру подорожную и паспорт.

– Могут ехать? – осведомился доктор.

– Можете, только не на чем. Подменных лошадей нету-с. Ваши отдохнут, и поедете.

Илья Андреевич вздохнул. Делать нечего, придется ждать.

– Прикажете-ка еды подать, любезнейший, – попросил он. Последний раз ему удалось перекусить восемнадцать часов назад, и взбунтовавшийся желудок напоминал о себе громким бурлением.

Смотритель закричал:

– Марфа! Барин кушать просит!

Из-за печки с хозяйской половины раздался старушечий голос:

– Чаво кричишь? Напугал, окаянный. Не готовила еще! Чаю плесни.

Тоннер сел на лавку и устало прикрыл глаза. Нанятый перед поездкой слуга оказался запойным. Все попытки привести его в чувство закончились безуспешно. Пусть теперь как хочет выбирается из Смоленска! Жаль только, что, уезжая оттуда второпях, доктор позабыл запастись провиантом на обратную дорогу. А зря! Это на московском тракте можно отобедать, на остальных – шиш.

– Ну, чаю так чаю. Хоть согреюсь.

От крика смотрителя проснулись ученый с переводчиком. С первого взгляда было понятно, кто есть кто. Сами судите: разве станет наш соотечественник улыбаться во весь рот незнакомцу? А иностранец никогда на него не уставится, с подозрением изучая, что за гусь перед ним!

Предполагаемый соотечественник, наигравшись в гляделки, неожиданно сообщил:

– У нас пряники остались. Слышал, проголодались?

– Да, – ответил доктор и представился: – Тоннер Илья Андреевич.

– Терлецкий Федор Максимович. – Мужчины, привстав, обменялись рукопожатием.

Среднего роста, плотный, коренастый доктор был на голову ниже переводчика и вдвое стройнее. Терлецкий широкой ладонью крепко сжал тоннеровскую руку и пару раз ее тряхнул.

– Не стесняйтесь. – Он вытащил кулек с пряниками и пододвинул к Илье Андреевичу. – Позвольте и особу представить, при которой переводчиком состою. Корнелиус Роос, знаменитый американский путешественник и писатель.

Про такого Тоннер не слышал, но дружелюбно пожал руку и ему. Ростом американец не уступал переводчику, но на путешественника – в представлении доктора, человека крепкого, жилистого, с обветренным, мужественным лицом – не походил. Скорее книжный червь, каких в университетах Германии, где стажировался, доктор видел немало: тонкая, сутулая фигура, круглые очки на вытянутой физиономии, любопытные глаза.

Тоннер достал из дорожного саквояжа пакетик конфет – весь имевшийся у него провиант – и, пододвинув к пряникам, спросил у Терлецкого:

– Давно подмены ждете?

– В восемь вечера приехали, после поляка. Не встретили его? Перед вашим приездом выехал.

– Это вы, барин, задремали-с, – сказал смотритель, подавая в больших глиняных кружках чай. – С полчаса прошло.

– Наших лошадок забрал почтовый курьер, а почтовых – поляк. Вот теперь и вы впереди. Один Бог знает, когда поедет, – вздохнул переводчик.

Голодному Тоннеру обжигающий чай показался необыкновенно ароматным, а засохшие пряники – и вовсе манной небесной.

– Читали мои книжки? – спросил его Роос по-французски.

– Не доводилось, – признался Илья Андреевич, кроме медицины, мало чем интересовавшийся.

– О! Много потеряли! Я два года провел в индейском племени мунси. Правда, сперва они хотели снять с меня скальп, но я женился на дочери вождя, и мыладили. Вот, читайте! – Роос с легкостью фокусника вытащил откуда-то книжку в кожаном переплете и сунул Тоннеру.

«Дикая жизнь индейцев в Америке», – прочел название доктор. Этнограф продолжал рассказывать:

– По результатам экспедиции я написал эту книжку, она очень хорошо продавалась, и мой издатель попросил еще и еще про жизнь дикарей. Потому следующие два года я провел в Северной Африке.

Снова жест фокусника – и перед Тоннером легла вторая книга американца, «Дикая жизнь бедуинов в Сахаре».

– Там меня чуть не продали в рабство, но я снова женился на дочери вождя, и мыладили. Тесть даже подарил мне белого верблюда. У них это вроде ордена!

– А что стало с предыдущей, индейской, женой? – поинтересовался Тоннер.

– Не знаю, – с широкой улыбкой ответил Роос. – В индейских племенах жен убивают на похоронах мужа. Не будет же воин в загробной жизни сам себе стирать и готовить? Но я ведь не умер, просто исчез из племени. Боюсь, той жене придется жить вечно. А вот бедуинскую жену могли выдать замуж повторно, там таков обычай.

– А что вас занесло в Россию? – спросил Илья Андреевич. – Мы-то не дикари!

Роос смутился:

– Я планировал путешествие в глубь Африки. По слухам, там еще есть места, где вообще не ступала нога белого человека. Но экспедиция сорвалась. Тогда я подумал: в Америке про

Россию знают, что тут очень холодно, а по улицам Петербурга ходят медведи. Кстати, это правда?

– Ну, если с цыганами...

– Я так и думал! – Роос снова сделал неуловимое движение и на сей раз достал потрепанный блокнот, в котором принялся черкать карандашом. – Видите, как важна профессия этнографа. Теперь американцы узнают правду о вашей стране.

Переводчик покачал головой и пробормотал по-русски:

– Этого еще не хватало!

Тоннер недоуменно взглянул на него, но Терлецкий сказанного пояснять не стал. Допив чай, поднялся и принялся расхаживать по избе, разминая затекшие конечности. Этнограф воспользовался моментом и спросил у Тоннера шепотом:

– Вы случайно не говорите по-английски?

Доктор утвердительно кивнул. Роос продолжил шепотом, но на другом языке:

– Мне кажется, мой переводчик не знает дорогу в Петербург! Мы все время едем какими-то козьими тропами. В Париже я купил отличную коляску с жесткими рессорами и даже не заметил, как проехал в ней всю Европу! А здесь после каждого перегона на моем теле нет живого места. Весь в ссадинах и синяках.

– Увы, – Тоннер развел руками, – Россия велика, и потому дороги очень плохи.

Американец пошутил:

– Вот! А вы утверждали, страна не дикая!

Тоннер улыбнулся:

– В чем-то вы правы. Но если соберетесь назвать новый труд «Дикая жизнь в России», умоляю здесь не признаваться. И скальп снимут, и в рабство продадут!

– Это непорядок, господа! – вдруг сказал на французском Терлецкий. – Как так? Я, переводчик, не понимаю ни слова из вашего разговора!

Тоннер пожал плечами. Что за беда?

– Не надо, – нараспев добавил, обращаясь исключительно к доктору, по-русски Терлецкий, – не надо разговаривать на английском, я такого не знаю.

Фраза была сказана столь задушевно-доверительно, так внимательно на Илью Андреевича посмотрели немигающие серые глаза, что и сомнений-то не осталось.

«Из Третьего», – диагностировал доктор. Сопровождающим к иностранцу приставлен. И не в открытую, а инкогнито! Вряд ли Тоннер, с его невысоким чином, оказался бы первым в очереди за лошадьми, кабы не скрывал Терлецкий от американца место службы.

Поблагодарив за пряники, доктор раскрыл труды Рооса. Но тот внезапно выхватил книжки, быстро расписался на титульных листах, а потом широким жестом преподнес обратно. Растроганный Илья Андреевич в изысканных выражениях поблагодарил.

– О, как любезно, – сказал в ответ этнограф и неожиданно добавил: – С вас сорок рублей.

Изумленный Тоннер открыл было рот, но неутомимый исследователь дикой жизни не дал ему и слова вставить:

– Это самая лучшая цена здесь и сейчас за обе мои книжки, да еще с автографом автора. Нигде в России вы не сможете купить их дешевле!

Видя, что опешивший Тоннер не знает, как поступить, Роос продолжил:

– В знак моего особого расположения к вам делаю к двум прекрасным книгам очень ценный подарок. – С таинственным видом он что-то вытащил из-за пазухи. – Настоящее перо из головного убора вождя племени мунси. Оно ваше.

Тоннер безропотно вытащил бумажник и обменял сорок рублей на птичье перо и пару книг.

Роос, пряча деньги, довольно заметил:

– Увеличение бюджета экспедиций за счет продажи книг о предыдущих – мое изобретение. Правда, в Сахаре результаты были скромны, зато Россия полностью оправдывает ожидания.

– Вы-то хоть прочесть сможете, а вот зачем смоленский почтмейстер купил пять экземпляров? Сам понять не может, английского не знает. Но шельмец сделал большую скидку и дал кучу перьев в придачу, – поведал Тоннеру Терлецкий.

Снаружи послышался звон колокольчика. Смотритель выглянул в окно. Из подъехавшего дормеза лихо выпрыгнул корнет, а следом вылез пожилой сухопарый генерал в синем кавалерийском мундире и неожиданно легкой походкой направился в домик. Смотритель вжался в стул. Лошадей нет, значит, без оплеух не обойдется.

– Кавалерии генерал-майор Веригин Павел Павлович! – словно на высочайшей аудиенции провозгласил вошедший первым корнет и сразу посторонился, освобождая путь начальнику.

Услышав фамилию, смотритель бросился к генералу:

– Не узнаете, ваше превосходительство?

Генерал близоруко прищурился, внимательно рассмотрел почтового служащего, а потом сгреб того в охапку:

– Сочин!!! Жив, курилка! Здесь, значит, служишь?

– Так точно! Как по болезни списали, по почтовому ведомству числюсь. Господин генерал-майор, рад вас видеть. Не изволите ли чаю? Лошади отдыхают, готовы будут через час, не раньше. Вы уж извините.

– Хорошо! Подождем! Посмотри, статья-то какая! – сказал Веригин, обращаясь к адъютанту. – Вот с кого тебе следует брать пример. Мы с Сочиным еще в итальянской кампании сражались, я тогда штаб-ротмистром был. Эх, времена были... Женат?

– Женат, ваше благородие. – Сочин громко закричал: – Марфа!

Старуха выбежала из-за печки и бросилась в ноги генералу. Тот, смутившись, стал ее поднимать.

– А дети?

– Дети выросли, разъехались, – ответил Сочин. – А вы, ваше превосходительство? Жена, дети?

Генерал смутился:

– Да как-то не сложилось. Все служу и служу. Наверно, холостым помру.

При упоминании о смерти у смотрителя на глаза внезапно навернулись слезы.

– Ты что, брат? – Генерал снова его обнял. – Я так, образно. Мы еще повоюем. А за встречу надо выпить. Николай! – позвал Веригин адъютанта. – Вели денщику, пусть тащит погребец.

Марфа принялась сметать грязной тряпкой крошки со стола. Не прошло и минуты, как генеральский денщик втащил кованный сундучок. Веригин оказался запаслив. Из погреба извлекли хлеб, копченую колбасу, вареное мясо, соленую рыбку, пироги и две бутылки шампанского.

У Тоннера рот мгновенно наполнился слюной. Чай с пряниками его оголодавший желудок воспринял как насмешку и теперь бунтовал пуще прежнего. Доктор решил выйти во двор.

– Вы куда? – спросил генерал.

– Неудобно мешать встрече боевых друзей... – начал было Тоннер, но генерал оборвал:

– Прошу к столу, без церемоний.

Денщик разложил серебряные приборы и фужеры.

– Николай, разливай, – громко скомандовал адъютанту Веригин. – Всех прошу садиться, и ты давай, – сказал он засомневавшемуся Сочину. – За государя императора, отечество и его верных солдат!

Все встали. Осторожно, двумя руками, боясь расплескать или, не дай Бог, уронить, старик-смотритель поднял наполненный шипучим вином бокал и небольшими глотками осушил. По его щеке скатилась слеза.

Скоро за столом воцарилась атмосфера бесшабашного веселья и легкости, свойственная только таким путевым встречам, когда все почти равны, зная, что не увидятся боле вовек.

Генерал, насытившись, принялся развлекать сотрапезников рассказами, коих знал великое множество:

– Вот у нас в полку тоже был доктор. Всем, кого лечил, прописывал клистир. Однажды, по-моему, в четырнадцатом году, к нему обратился ротмистр Доронин, сломал палец при падении с лошади. Этот коновал перевязал, и не только палец, чуть не всю руку. А потом, по своему обычаю, вызвал фельдшера и распорядился о клистире. Доронин заупрямился, но Корф, так звали доктора, был непреклонен. В результате ротмистру не только сделали промывание, но и сломали другую руку – так крепко держали. Надеюсь, доктор, не одни только клистиры ставите?

– Клистиры как раз и не умею, – в тон ответил доктор.

– Ну, спасибо за компанию! – Веригин поднялся. – Сочин, лошади готовы?

– Готовы, готовы, выше превосходительство. Сбегаю на двор, скажу, чтоб запрягали!

Тоннер вышел вслед за ним – после сытного завтрака ему захотелось попынтеть трубочкой. Молодой петушок горделиво выхаживал по двору, хвастаясь пушистыми шпорами. Курам было не до него, они торопливо выклевывали из земли зернышки проса. Петушок остановился и что было мочи выдал трель. Подружки на миг отвлеклись, повернули головы, но триумф был испорчен въехавшей во двор каретой – куры разбежались.

Лошади остановились прямо перед Сочиным, помогавшим денщику укладывать в генеральский дормез погребец. Из кареты вылез румяный, с еле заметным пушком над верхней губой, молодой человек и, тряся бумагами, подбежал к смотрителю.

– Незаконнорожденный... Константина Павловича... – долетели до Тоннера обрывки фраз.

Смотритель недоверчиво взял бумаги и крепко задумался. Конечно, чин у сына Великого князя невелик... Но если по-другому взглянуть – племянник самого императора!

Видя его сомнения, молодой человек прибавил:

– Очень мстительный! – Из кареты на миг показалась голова другого юноши. Его губу украшал уже не пушок, а вполне достойные усики, а профиль и правда чем-то напоминал Константина Павловича. Это решило исход дела.

– Только бумаги отмечу! – расшаркался Сочин и скомандовал ямщикам: – Перепрягай!

Тоннер тяжело вздохнул – его возвращение домой отодвинулось еще на несколько часов – и посторонился, освобождая дорогу Сочину. Через несколько секунд на крылечко выскочил генерал.

– Надо Павла Александровича поздравить, – бросил он на бегу Тоннеру. – Флигель-адъютантом недавно стал.

«Сына Константина Павловича зовут Павел Александрович! – отметил Тоннер. – Экая глупая маскировка. Ведь каждая дворняжка в столице знает не только кто отец, но и кто его мать».

Поздравил генерал оригинально. Заглянув в карету, тотчас выволок оттуда обладателя романовского профиля за шкуру и потащил на станцию. Приятель бастарда Великого князя семенил следом.

Заняв место за столом, генерал устроил допрос, поставив нарушителей посреди комнаты под охраной адъютанта Николая:

– Ну! И как вас, молодцы, звать-величать?

– Александр Тучин, – ответил шатен, изображавший мстительного романовского отпрыска.

– Денис Угаров, – ответил второй.

– Как, как? Тучин и Угаров? Владимира Алексеевича и Кондрата Денисовича сыновья? – обрадовался Веригин.

– Так точно, господин генерал-майор! – хором ответили юноши.

– Что-то у вас на этой станции, ваше превосходительство, одни знакомцы, – заметил Терлецкий.

– Помесишь с мое в сапогах – всех орлов в России знать будешь, – отрезал Веригин. – И как вас, юноши, понимать? Чем вызван сей маскарад?

– Год дома не были! – жалобно протянул назвавшийся Угаровым.

– С турками сражались? – предположил Веригин и, не дожидаясь ответа, похвалил: – Молодцы! Герои! В отцов пошли! Под Аустерлицем Кондрат Угаров вытащил с батареи раненого Володю Тучина. Хоть и самого ранили, друга спас! Почему в штатском?

– Не с войны, из Италии возвращаемся, ваше превосходительство, – еще более жалобно сообщил Угаров. – Изучали лучшие образцы живописи и архитектуры! В войсках не служим. Мы – художники!

Веригин схватился за сердце.

– Дворяне – художники?!

– Да! – гордо подтвердил Тучин. – Отец считает, что Родине можно служить не только шпагой, но и кистью.

– Да, крепко его тогда контузило! А твой батюшка тоже так считает? – обратился генерал к Угарову.

– Мой отец покинул этот мир пятнадцать лет назад, – ответил Денис Угаров, – я его почти не помню, моим воспитанием занимался Владимир Алексеевич Тучин. Мы с Сашей как братья.

– Небось в Академии художеств обучались? – спросил Веригин с нескрываемым отвращением.

– Нет, отец говорит, там немецкие профессора своих немецких детей учат, – пояснил Тучин. – А настоящее искусство в Италии. Оттуда педагогов и выписывал, а когда подросли, самих учиться отправил.

– Насчет немцев Володя прав! Все запленили! Что ж делать-то с вами, самозванцами?

– Простите! Больше не будем! – хором ответили Тучин с Угаровым.

– Только ради папенок! – генерал погрозил юношам пальцем. – Сочин! Дормез готов?

– Готов! – как-то чересчур задумчиво ответил смотритель, поглядывая в окошко. Из подъехавшей прямо к дому коляски вылез средних лет щеголь. Неторопливо отряхнув с панталон пыль, он вошел в избу.

– Забыли что? – обеспокоенно поинтересовался смотритель.

– Мост сгорел! – с легким польским акцентом ответил щеголь.

– Ой, божечки, быть того не может! – запричитал смотритель.

– Сочин, докладывай, какой такой мост? – скомандовал генерал.

Бывший солдат моментально вытянулся:

– Тут, верстах в десяти, тракт через него идет.

– Мне в ту сторону ехать?

– Всем в ту сторону. Я еще удивлялся, что за целое утро оттудова никто не прибыл.

– Часто мост жгут?

– Никак нет-с.

– Брод есть?

– Никак нет-с.

– Обезд есть?

– Зимой есть.

– А осенью?

– В другое время года никак нет-с. На старом тракте, коли не мороз, непролазная грязь. Веригин вспомнил о вернувшемся щеголе.

– Генерал-майор Веригин, – представился он, – с кем имею честь?

– Анджей Шулявский, польский дворянин, следуя в Петербург по личному делу, – сообщил щеголь, изящно щелкнув каблуками.

– Расскажите-ка поподробней о сгоревшем мосте. Может, по дороге кого подозрительного встретили?

– Увы, выехав, я сразу укрылся пледом и заснул. Ямщик разбудил меня около моста. Мы полюбовались пожаром и отправились обратно.

Доктор Тоннер выглянул в окно. Ту же историю рассказывал товарищам ямщик, возивший Шулявского, – размахивал руками, лицо его то застывало в драматическом напряжении, то корчило от гримас. Слушатели по-своему сопереживали, переставая сплевывать шелуху от семечек в кульминациях.

Веригин подозвал адъютанта:

– Николай, скажи в Смоленск. Пусть пришлют отряд восстанавливать мост.

– Ваше превосходительство, – вмешался Сочин, – когда весной этот мост льдинами разметало, крестьяне здешнего помещика Северского за два дня его починили. Северским без моста никак: поместье большое, по обе стороны реки. А солдат из Смоленска недели две будем ждать.

– Верно мыслишь, смотритель! Как, говоришь, фамилия помещика? Свирский?

– Северский, его сиятельство князь Василий Васильевич Северский.

– Князь Северский, да ты что?!

Тоннер уже бы не удивился знакомству генерала ни с папой римским, ни с вождем племени мунси. Оказалось, однако, что Веригин только слышал про Северского: знатного рода, служил в армии, давно вышел в отставку, живет в имении.

– Что ж, поеду к князю просить о помощи. – Генерал осмотрел избу и присутствующих. – Хм, мы здесь два дня не протянем! Надо проситься на ночлег. Усадьба-то большая?

– Большая! Только свадьба там сегодня!

– Сына женит или дочь выдает?

– Сам женится!

– Седина, значит, в бороду! Молодец! – нараспев похвалил генерал. – Тогда едем все вместе. Какая свадьба без гостей?

Илья Андреевич поразился, с какой легкостью принял генерал это решение. Вот будет неожиданная радость у здешнего помещика, когда к нему явятся восемь незваных гостей!

– Без подарков как-то неудобно, – выразил свои сомнения вслух Тоннер.

– А я свою табакерку подарю, – решил генерал. – Почти новая!

– У нас тоже табакерки есть, с видами Рима, – вспомнили Тучин с Угаровым.

– Я подарю свою книгу! – предложил американец. – Настоящая русская свадьба! Какая удача!

– Вы, господин Терлецкий? – осведомился Веригин.

– Мне тоже книжку дашь, – сказал Федор Максимович американцу. – Не дашь, здесь останемся.

Роос уныло кивнул головой.

– Вы, пан Шулявский?

– А я всегда вожу с собой несколько безделушек, специально для подарунков. Краснодеревный футляр с пистолетами подойдет?

– Более чем! – похвалил поляка генерал. – Надеюсь, и у вас, доктор, что-нибудь подобное имеется?

В подарок отцу и братьям Илья Андреевич тоже вез табакерки. Но дарить четвертую было бы нелепо!

– Господа, пожалуй, я попытаю счастья на окружной дороге, – сказал Тоннер, – лошадей на станции теперь предостаточно.

– Чем объясните такой апарт? Тем, что нет подарка? – спросил генерал и тут же заинтересовался у Сочина: – В имении Северских тяжелобольные имеются?

– Анна Михайловна, матушка князя, – вспомнил смотритель.

– В качестве подарка и осмотрите. Николай, – вспомнил про адъютанта Веригин, – приказ скакать в Смоленск отменяю. Сочин, пошлешь туда ямщика, надо почтовое ведомство предупредить.

– Слушаюсь, господин генерал.

– Ну, прощай, солдат. Даст Бог, еще свидимся. – И Сочин с Веригиным крепко обнялись.

Кавалькада из колясок и генеральского дормеза тронулась со станции после кратких, но шумных сборов.

Глава вторая

– «Венчается раб Божий Василий с рабою Божьей Ялизавьетой». Я правильно записал?

Роос хотел дословно воспроизвести текст обряда в своей книге, но в набитой битком маленькой сельской церкви переводить было невозможно, и по окончании таинства этнограф мучил толмача.

Веригин и компания застали князя на крыльце. Одетый в парадный полковничий мундир, Северский уже оседлал темно-пепельного, под цвет его пышных волос, мерина, когда на аллее парка показалась кавалькада. Выслушав Веригина, князь тут же пригласил непрощенных гостей и на свадьбу, и на ночлег, пообещав как можно быстрее починить мост. Потом извинился, мол, опаздывает на венчание, и предложил путникам ехать прямо за ним в церковь. Отказать было неудобно.

Погода к полудню разгулялась: низкое сентябрьское солнце грело по-летнему, ветерок дул приятный, и уставшие от духоты на затянувшемся венчании гости предпочли проделать три версты до поместья Северского, где ждал праздничный стол, пешком. Прогулке мешали лишь немногочисленные лужи, посему дамы все-таки ехали в экипажах.

Как часто бывает, гуляющие разделились на несколько групп. Илья Андреевич примкнул к этнографу и Терлецкому, встретившему в этой глуши троюродную тетюшку Веру Алексеевну Растоцкую и ее мужа Андрея Петровича. Милые пожилые люди относились друг к другу с необычайной нежностью, присущей только счастливым парам, и очень трогательно называли друг друга «Люсенька». Андрей Петрович шел пешком с мужчинами, рядом катила бричка с Верой Алексеевной и ее ближайшей подругой, Ольгой Митрофановной Суховской.

– Необычное какое имя – «Ялизавьета!» – заметил этнограф.

– Оно вам хорошо знакомо, по-английски произносится как «Элизабет», – пояснил Тоннер.

– Неужели? А ведь верно! Я уже заметил: русские, где только можно, исправляют звук «Б» на «В»: Варвара, Вавилон, Василий, – применил системный подход американец. – Схожая проблема, говорят, у японцев: они не выговаривают звука Л.

– Так она и есть Элизабет, – заявила Вера Алексеевна, немало удивив племянника.

– Как Элизабет? Разве есть сие имя в святцах?

– При чем тут святцы? Она француженка. А вы не знали? – обрадовалась Вера Алексеевна. – После войны полковник Берг вышел в отставку и, решив зажить деревенскую жизнью, купил у помещика Куроедова поместье рядом с Северскими. Но у Берга этого болел желудок, и принялся он по курортам ездить. Сначала на Минеральные Воды, потом в Спа поехал, во Францию. Полковник был мужчина видный, можно сказать, красивый, хоть и немец, а главное, холост. Там и познакомился с Элизабетой. Ее первый муж, француз, как раз умер, и она свободна была.

– Своих вдов нашим мужчинам не хватает, заграничных ищут! – Сама давно вдова, Ольга Суховская, дама слишком аппетитных достоинств, тщетно искала если не спутника жизни, то хотя бы попутчика.

– Не перебивай, Оленька, – продолжила Растоцкая. – Элизабет невеста была не бедная – у нее свои виноградники и винный завод, на всю Европу известный. Так что за Берга она по любви вышла, уверена в том. Жили они во Франции, сюда не ездили – Спа оттуда ближе, где желудок берговский лечили. Но не вылечили – умер полковник полтора года назад и завещал похоронить себя в России. Вот Элизабета и прикатила с гробиком. И ей тут понравилось. У нас ведь очень хорошо. Правда, господин американец?

– О, да, – проявил учтивость Роос.

– Берг что, православным был? – уточнил Терлецкий.

– Что вы? Конечно, нет. Лютеранин. Лизочку мы уже здесь, пару месяцев назад в православие перевели, когда они с Северским сговорились. Я восприемницей была, а Мухин, наш предводитель дворянства, – отцом-восприемником.

Терлецкий запнулся с переводом, но Тоннер быстро вспомнил английские Godmother и Godfather, и беседа потекла дальше.

– Жаль, крещение не совместили с венчанием, – расстроился Корнелиус Роос. – Я слышал, православные новообращенных купают?

– Нет, Лизочку не купали. Как почтенную матрону при всем честном народе голышом в купель окунуть? – вступил в разговор глава семейства Растоцких. – Ножки да ручки святым миром помазали, и ладно. А грудничков, тех под мышки – и в купель.

– Дай дорасскажу, ты меня перебил, Люсенька, – обиженно проговорила Растоцкая, и губы ее вытянулись бантиком. На детском, несмотря на преклонные лета, лице Андрея Петровича вмиг появилось раскаяние:

– Прости, Люсенька!

– Понравилось тут Лизабете, – продолжила Вера Алексеевна. – Хозяйством занялась, управляющего сменила, маслозаводик построила – в общем, не стала имение продавать, как поначалу хотела. А потом с Северским лямур начался! Кто бы мог подумать? Всегда гаремом обходился, о женитьбе и не помышлял!

Терлецкий, уже наострившийся переводить тихо, быстро и почти дословно, снова запнулся. Тоннер снова пришел на помощь, объяснив, что помещики, словно восточные султаны, понравившихся крестьянок держат взаперти и используют как наложниц. Когда девушка надоедает, ее выдают замуж за какого-нибудь холопа. Заодно и исторический анекдотец рассказал: в 1812 году один помещик при сборе средств на ополчение пытался пожертвовать свой гарем. В порыве патриотизма рухнул на колени перед императором и закричал: «Всех забирай, батюшка! И Машку, и Глашку, и даже Парашку. Никого не жалко».

Роос с завистью посмотрел на Растоцкого.

– Нет! Люсенька одну меня любит. Ему гарем ни к чему, – перехватив взгляд, пояснила жена. – Опять меня перебили! Обходился Северский гаремом, девок исключительно молодых пользовал, не старше шестнадцати. И ни к кому не сватался.

– Это все матушка его, Анна Михайловна! – вновь встряла Суховская. – Карга еще та! Ни с кем здесь не дружит, от всех нос воротит. Мол, они князья, мы им не ровня. И Василию Васильевичу жениться не позволяла, кровь портить.

– Все княгини спесивы, – подтвердила Растоцкая. – Кусманской шестой десяток пошел, так старой девой и помрет! Жениха под стать так и не нашла!

– А почему за Северского не вышла? – удивился Терлецкий.

– Для нее и он недостаточно породист, – пояснила Растоцкая. – Долго перебивать-то будете? Дружила Анна Михайловна Северская только со своей сестрой Марией, она с сыном у них в имении проживала, но пару лет назад померла. Оттого Анне Михайловне стало скучно, и завела она себе компаньонку.

– Поболтать-то даже княгиням хочется, – быстро вставила Суховская.

– Выписала откуда-то дальнюю родственницу, Анастасию. Девица лет двадцати. Не знаю, о чем старая перечница собиралась с ней болтать, но Василий Васильевич общий язык с девушкой нашел быстро. Уж больно красивая...

– Как кобыла сивая, – снова вставила словечко Суховская.

– Гаремчик свой князь прикрыл, думали, к свадьбе дело идет.

– А как же его мамаша? – спросил у Растоцкой Федор Максимович. – Компаньонка что, княгиней оказалась?

– Нет! Просто Анна Михайловна из-за старости соображать перестала. Хоть и доктор при ней круглосуточно, и лекарствами ее пичкают, а и двух слов теперь связать не может. Опять меня сбили!

– Думали, Василий Васильевич с Настей поженятся, – напомнил нить разговора заботливый муж.

– Вот-вот! А он взял и охладел к ней! К Лизавете начал с цветочками ездить. Потом, вижу, вместе на лошадях прогуливаются, по пруду на лодочках катаются! А затем и руку с сердцем предложил.

– Чему ты, Вера, удивляешься? – пожала плечами Суховская. – Настя, хоть и благородна, – голь перекатная.

– Да, – подытожил Андрей Петрович. – У Северского с Лизаветой имение крупнейшим в уезде станет.

– Твоя правда, Люсенька, – согласилась супруга.

– Вот как у людей бывает: один муж дуба даст, Боженька другого пошлет, следующий помрет, нате вам еще. А у некоторых, – всплакнула Суховская, – любви на шестерых хватит, а любить-то некого!

– А мы через Лизабеточку отношения с Северским наконец наладим, – высказала затаенное желание Вера Алексеевна.

– А что такое? – поинтересовался Терлецкий.

– Судимся. Пятый год судимся, – расстроено ответил Андрей Петрович. – Ничем, кроме охоты, Северский не занимается. А как в раж входит, ему все равно, по чьей земле зверя гнать, по своей или по моей. Полей нам потравил – не счесть. Я поначалу терпел. Все-таки человек знатный, не чета мне. Потом поехал, высказал все, а он меня... – плечи Растоцкого задрожали. – Он меня из окна выкинул. Теперь судимся. Федор Максимович, – обратился он к Терleckкому, – не могли бы вы, голубчик, подсобрать? Много лет дело тянется.

– Не надо, Люсенька, – перебила мужа Вера Алексеевна. – Даст Бог, через Елизавету помиримся. – И, увидев, что американец отстал, засмотревшись на какую-то осеннюю букашку, шепотом спросила: – Федор, с чего ты переводчиком к американцу нанялся? В должности понизили? Или задание какое особое?

– Люсенька, глупости спрашиваешь, – заметил Растоцкий. – Конечно, задание.

– Даже слепому видно! Федор Максимович за карбонарием приглядывает, – поддержала Андрея Петровича Суховская.

– Карбонарии не в Америке, а в Италии! Оленька, ты хоть «Инвалид» иногда читай, – укорила подругу Растоцкая.

Замученный своею миссией, Терлецкий ответил откровенно:

– Это, Вера Алексеевна, глупость канцелярская. Какой-то умник в нашем парижском посольстве, отправляя донесение, сообщил, что в Россию отправился американский этнограф Корнелиус Роос. И, желая блеснуть образованностью, перевел половину слова «этнограф» с греческого. Получилось «народный граф». К иностранцам и так внимание повышенное, а тут этакый гусь из Америки. Вот под видом переводчика меня и приставили в Петербург сопровождать, вшей на станциях кормить.

Когда Роос догнал компанию, Растоцкая обратилась к нему по-французски:

– Вы женаты, граф?

Растоцкие имели трех дочерей на выданье и не пропускали в округе ни одного события, будь то бал, собрание, свадьба или похороны. Везде, где могли встретиться женихи, «Люсеньки» со своими красавицами были тут как тут. Со старшей ездили даже в Москву, на известную всей России ярмарку невест. Но остались недовольны: дом на зиму сними, платья на каждый бал всем новые пошей, приемы раз в неделю устраивай, а дороговизна в Первопрестольной страшная. А на обеды всякий сброд приходит: якобы женихи, а свататься и не

думают. Поедут да уйдут. Насилу выдали. Удачно, правда, – за отставного майора из Твери, но с младшими решили повременить – авось поближе кто сыщется.

– Нет, не женат, – галантно ответил этнограф.

– Врет, – тихо по-русски сказал Терлецкий. – Две жены у него: одна в Америке, другая в Сахаре. Куда ни приедет, перво-наперво женится для установления контакта с аборигенами.

– Это хорошо, – заметила Суховская. – Только тощий он какой-то.

– Нет, нам такие не нужны. Правда, Люсенька? – не ожидая ответа, спросила мужа Вера Алексеевна. – А юноши, что с вами со станции приехали, богаты?

– Один, так я понял, да, – ответил переводчик, – его отец обоим поездку в Италию оплатил.

– Светленький такой? – уточнила Ростоцкая.

– Нет, с усиками, – поправил Терлецкий. – Но имейте в виду, Вера Алексеевна, они художники!

– Что из того? Не сапожники же! – рассмеялась помещица.

– Знавал я одного помещика, – начал рассказывать Федор Максимович. – Тоже малевать любил. Разденет крепостную – и рисует, и рисует. Жена его смотрела, смотрела, а потом решила: чем я хуже? И пятерых детишек родила. От соседа.

– Да и пусть себе рисует, – постановила мать троих дочерей. – Главное, чтоб жену для рисований не раздевал. Пушай крепостными обходится.

– Зачем вам эти ясли? – спросила Суховская, имея в виду юный возраст Тучина и Угарова. – Дочек надо выдавать за людей состоявшихся, в летах.

– А потом им, как тебе, юными вдовами маяться? – рассердилась Ростоцкая. – Вот я за Андрюшу вышла, когда оба молодыми были. И как живем хорошо, душа в душу!

Теперь приотстал Тоннер – заныло правое колено. Остановился, поразмял, заодно и прикинул: к чему бы? Как у ревматиков боли в суставе предсказывали перемену погоды, правое колено Тоннера предвещало любимую работу. Нет, не осмотр чьих-нибудь гланд и даже не роды! Колено чувствовало загодя только труп, нуждавшийся в немедленном тоннеровском вскрытии. Илья Андреевич служил на кафедре акушерства и патологоанатомии своей alma mater – Медико-хирургической академии. Входило в моду рожать с участием солидного док-

тора, а не по-старинному, с бабкой-повитухой; это обеспечивало Тоннеру финансовое благополучие. А возлюбленной «музой» доктора была патологоанатомия, вернее, судебная медицина. Втайне от всех он трудился над первым российским судебно-медицинским атласом.

– Я забыла, а господина, что приотстал, как зовут? Замечательные у него бакенбарды! – спросила тем временем Суховская, которой нравились мужчины с буйной растительностью.

Тоннер уже почти догнал процессию, и потому Федор Максимович смутился. Доктор все понял сам и представился повторно:

– Илья Андреевич Тоннер, доктор из Петербурга.

– Вы доктор? – переспросила Суховская низким томным голосом. – Ах! Я уже чувствую себя больной!

Тоннер растерялся и тут же получил второй недвусмысленный призыв:

– Не сомневаюсь, ваши пациентки от вас без ума!

Илья Андреевич ответил иронично:

– Большинство из них, сударыня, не только без ума, но и без остальных признаков жизни – обычно я исследую мертвые тела.

– Зачем покойникам доктор? – удивилась Растоцкая.

Роос, давно любовавшийся вдовой, решился сделать комплимент:

– Мадам, вы напоминаете мне рубенсовских женщин.

– Федор Максимович, переведите же, – уловив приятные нотки в голосе американца, потребовала Суховская. – Не владею языками. Матушка неграмотна была – в восемнадцатом веке науки не требовались, – наняла мне француза-гувернера, по-русски был ни бум-бум. Учил меня, учил, а оказался грек. Так что и французского не знаю, и греческий позабыла – поговорить-то не с кем.

Терлецкий, видно, не знал, кто такой Рубенс, и перевел слова Рооса так:

– Вы напомнили ему женщин из Рубенса. – И высказал догадку: – Это его родной город.

Деликатный Тоннер не решился поправить, и комплимент этнографа пропал зря. Одна Вера Алексеевна ужаснулась:

– Что? В этом Рубенсе такие крупные женщины и столь щупленькие мужчины? Чудные они, американцы!

Въехали в парк Северских. Завидев слева на поляне поросший пожелтевшей травой холмик, Тоннер спросил у Растоцкого:

– Это что, могила?

– Да, – ответил Андрей Петрович, – Кати Северской, племянницы князя.

– Почему не на кладбище? – удивился Илья Андреевич.

– Как? Вы про Северских ничего не знаете? – снова обрадовалась Растоцкая.

Доктор помотал головой.

– Так я расскажу, – попыталась опередить подругу Суховская. – Носовка – не родовое их имение. Родовое у них в Нижегородской было...

– Как всегда, все путаешь, – не сдалась Вера Алексеевна. – В Рязанской, только вот Василий Васильевич его проиграл. А Носовку Екатерина Вторая его сводному брату подарила на свадьбу.

– Да не брату, – возмутилась Ольга Митрофановна, – а его невесте, своей любимой фрейлине. И кучу бриллиантов дала в придачу.

– Звали ее Ольга Юсуфова, – быстро уточнила Растоцкая. – Те Северские, не в пример нынешним, широко жили, балы на всю округу закатывали, с соседями дружили.

– Пока жена в очередных родах не померла, – использовала маленькую паузу в речи подруги Суховская. – Деток больно любили, хотели побольше, а те все умирали.

– Не все! Одна выжила. Катя! – обрадованно уточнила Растоцкая, указав на могилку.

– Александр Васильевич, брат нынешнего князя, сам воспитанием и образованием дочери занимался. Кабы не война...

– Такой герой! К армии примкнуть не успел, так из своих мужиков отряд собрал, в хвост и в гриву французов бил.

– А девочка? Тоже в отряде была? – спросил Терлецкий.

– Девочку к Анне Михайловне отправил, к мачехе, нынешний Василий Васильевич тогдашнему Александру Васильевичу сводный брат, – пояснила Суховская. – Но французы нашего героя поймали и повесили.

– А Катя, как узнала, умом тронулась. Врачи лечили-лечили, потом девочку в монастырь повезли, вдруг святое слово поможет...

Вера Алексеевна закончить не успела. Самое интересное Ольга Митрофановна даже не сказала, выкрикнула:

– А Катя с колокольни выкинулась!

– Самоубийц не хоронят на освященной земле, потому бедную девочку здесь и закопали, – смахнула слезу платочком Вера Алексеевна.

Растопский покачал головой:

– Загадочная история. Гроб на похоронах не вскрывали. Сказывали, разбилась в лепешку.

Глава третья

Отец Алексей, местный священник, пару часов назад обвенчавший молодых, зычным голосом прочел небольшую молитву. Проголодавшиеся гости торопливо перекрестились и с видимым удовольствием уселись за праздничный стол.

– Господин доктор, – спросила Тоннера Суховская, – вы старовер?

– Нет, мадам, – учтиво ответил тот.

– А почему не по-нашему крест кладете? – Помещица пыталась поразумней разместить на огромном платье маленькую салфеточку.

– Я – католик. Мой отец – француз, во время революции бежал в Россию, – пояснил Тоннер.

– А, католиков знаю! Верят в папу римского!

– Нет, что вы! В Иисуса Христа! Но несколько иначе, чем вы.

– А зачем? – удивилась Ольга Митрофановна. – Зачем иначе, если можно как все? И в аду гореть не придется!

– Мне грозит ад? – делано испугался Тоннер.

– Как же! – изумилась Суховская. – Отец Алексей говорит: всех неправославных – прямо туда!

– Значит, буду гореть в приятной компании! Вся моя семья – католики: дедушка, родители, братья, сестры.

– Какой вы семьянин! – восхитилась Суховская.

Стол установили покоем в центральной комнате господского дома. Шторы задернули, но все равно было необыкновенно светло: свет множества свечей, вставленных в разномастные канделябры, отражался от зеркал, украшавших стены, от блестящих серебряных подносов и от бесчисленного множества бокалов – пятидесяти гостям под каждый напиток. Искусно разбросанные лепестки роз, астр и ноготков украшали ослепительно-белую скатерть, а на накрахмаленных до хруста салфетках были вышиты инициалы хозяев.

Супружеская чета заняла центральное место. Генерала, как наипочетнейшего гостя (такого звания никто из гостей не имел), посадили рядом с молодой.

«Новоиспеченная» княгиня Северская очаровала Павла Павловича еще в церкви, а после вручения подарка Веригин понял, что в нее влюблен!

Молодые супруги принимали поздравления незадолго до обеда посреди портика, украшавшего парадный вход усадьбы. Генерал дарил свою табакерку одним из первых.

– Вы армейский друг Василия Васильевича? – поинтересовалась Элизабет. Она говорила по-русски почти правильно, но чуткое ухо стоявшего неподалеку Тоннера уловило акцент, причем не французский.

– Нет, сударыня, – ответил Веригин. – Знакомы несколько часов. Провидению было угодно, чтобы восемь путешественников попали сегодня на вашу свадьбу: на тракте сгорел мост, а князь милостиво нас приютил и пригласил на торжество.

– Как сгорел мост? – Княгиня продолжала улыбаться, но лицо ее приняло озабоченное выражение. – Это правда, любимый?

– Да, ма шер.

– Отчего не сообщили мне?

– Мон ами, неужто в такой день вам есть дело до какого-то моста?

– Базиль, – назвала она князя на французский манер, – надеюсь, вы не забыли распорядиться о починке?

– Не успел, в церковь торопился, – раздраженно ответил Северский.

– Это же минутное дело! Но не беда, сейчас все исправим! – Княгиня махнула рукой, и тут же, словно из воздуха, материализовался ее управляющий. – Павел Игнатьевич, пошлите Ерошку к Никите Соленому, старосте в Красном. Пусть отправит тамошних мужиков чинить мост. Бревна и доски пусть возьмут, что на новую мельницу заготовлены. Да... И чтоб факелы прихватили – ремонт надо сегодня закончить.

Павел Игнатьевич еще вносил указания в маленький блокнотик, а к нему на всех парах уже бежал кучер Ерошка. Генерал, и сам умелый командир, не успел заметить, как его позвали. «Да, – подумал он, – такой женщине и полк можно доверить! Да что полк – армию! Повезло князю с супругой – будет с ней как у Христа за пазухой».

Генерал обычно не афишировал своего холостяцкого положения, на прямые вопросы прелестниц отшучивался солдатской песенкой: «Наши жены – пушки заряжены». Но, будучи по натуре романтиком, всю жизнь искал ту, что полюбит с первого взгляда. Тысяча чертей, сегодня Веригин ее нашел! И именно сегодня она вышла замуж за другого. Эх! Судьба – злодейка, жизнь – копейка.

Обед разносили не по чинам, так что и генералу, и гостям на дальней стороне стола, где сидела молодежь: Тучин, Угаров и барышни Растоцкие, – одновременно подали холодный пирог с рыбой. Старшая из барышень, Машенька, по строгому повелению матушки, изо всех сил старалась понравиться Александру. Поначалу вела себя жеманно: разговаривала исключительно по-французски, слова растягивала, подчеркивая, как ей все наскучило и утомило. Опытного Тучина ее поведение позабавило, и он решил подыграть – изображал пресыщенного денди, отвечал лениво и невпопад. Украдкой оба наблюдали друг за другом, и, когда случайно взгляды их пересеклись, молодые люди не выдержали и весело расхохотались, опечалив другого Машенькиного соседа, Дмитрия Александровича Карева.

Впрочем, этого юного господина с длинными выющимися волосами никто по имени-отчеству не называл. Приходился он князю Северскому кузеном, с младенчества воспитывался в его доме и откликался по молодости на Митеньку. Господин Карев постоянно потирал ладони неестественно больших рук, каждую минуту пытаясь завязать разговор с Машенькой, но та не обращала на него внимания.

Младшая Растоцкая, совсем юная Лидочка, могла пока о женихах не заботиться. Весело и непринужденно она болтала с Угаровым о всякой ерунде и, хоть и стреляла в Дениса глазками, но как-то неосознанно, по-детски... В отличие от красавицы, сидевшей напротив. Такого совершенства в женском облике Денис еще не встречал. Упругие, аппетитно затянутые в шелковое платье формы манили прильнуть и тотчас насладиться, а зеленые глаза красавицы обещали утоление желаний. Звали богиню Анастасией, князь представил ее как *la demoiselle de compagnie*¹ своей матери. Денис искренне недоумевал! Северский что, слепой? Жить под одной крышей с такой Афродитой – и жениться на сушеной вобле?

Да-с! Елизавета Северская разочаровала Угарова. Чересчур высокая, излишне худая, с мелкими мимическими морщинками на подвижном узком лице. Нет, уродиной не назовешь, да и смотрелась она в подвенечном платье хорошо. Но есть ли на свете женщина, которая плохо выглядит в день свадьбы?

Денис был не единственным, кто проявлял интерес к красивой компаньонке. На правое ушко весь обед ей что-то щебетал пан Шулявский. Настя мило ему отвечала, не забывая про других «жертв»: то глянет на Угарова, то стрельнет глазками в Тучина, то улыбнется сидевшему слева щупленькому господину. Этот замухрышка ей зачем? Одет в поношенный фрак, редкие волосы висят паклей, к тому же Михаил Ильич Рухнов – именно так господин пред-

¹ Компаньонка (фр.).

ставился – сильно прихрамывал (Денис сие подметил, когда гости, прежде чем сесть за стол, дефилировали парами по зеркальному паркету мимо кадок с померанцевыми деревьями).

После третьей перемены блюд бокалы наполнили искрящимся шампанским. Произнести первый тост доверили наипочетнейшему гостю, генералу Веригину. Величественно встав, он сделал паузу, дождался, пока стихли все звуки за свадебным столом, и торжественно произнес:

– Здоровье государя императора!

Все встали – за монарха пьют стоя, – однако изрядно удивились. Свадьба же! При чем тут император? Новомодные петербургские правила сюда еще не дошли.

Бокалы наполнили вновь, и опять заговорил Веригин. Всеобщего недоумения он не заметил, гости же после проявленной неделикатности ждали-таки здравицы молодым. Снова выдержав паузу, генерал командным голосом воскликнул:

– Здоровье императрицы и наследника!

Опять все встали, но на сей раз по зале пробежал шепоток: в уме ли генерал? Знает ли, куда приехал?

На третьем тосте генерала опередила княгиня Кусманская. Ее так разволновала выходка Веригина, что рискнула нарушить правила. Благодарная аудитория сразу затихла.

– Здоровье... – насколько смогла громко произнесла Кусманская, но от волнения нужные слова вылетели у нее из головы. – Здоровье государя императора! – вырвалось у княгини.

Она покраснела. Чуть не рыдая, стояла, крепче и крепче сжимая бокал, грозивший вот-вот лопнуть. Все молчали, не решаясь поправить. Паузу прервал Веригин:

– Варвара Петровна ошиблась. Третий тост пьют за благоденствие России! Виват России и ее императору Николаю! – как смог, объединил сказанное и положенное генерал.

Гости уныло чокнулись.

С хоров зазвучало «Рондо в турецком стиле» Моцарта. Невидимые музыканты играли тихо, дабы не мешать гостям, но необычайно слаженно. Сложные пассажи исполнялись без нарушений быстрого темпа, заданного дирижером, экспрессивные взмахи рук которого только и были видны Тоннеру.

– Такой замечательный оркестр и в Петербурге не услышишь, – выразил доктор свое восхищение.

– Местная достопримечательность! Крепостной оркестр помещика Горлыбина. – пояснила Растоцкая. – На всех уездных торжествах играют!

– Наверное, богат этот Горлыбин, – предположил Тоннер. – Такой оркестр содержать, шутка ли? Одни инструменты состояние стоят.

– Что вы! Обычный помещик, душ пятьсот, не более. Но музыку всегда любил. Ноты выписывал из-за границы. Одно время император Павел запретил иностранное ввозить, и ноты тоже. Чернее тучи Горлыбин тогда ходил. Как же? Моцарт там чего насочинял, а он и не знает! А потом Павла Петровича апоплексический удар табакеркой хватил, запрет сняли. Горлыбин радовался, жене все повторял: «Вот что бывает с теми, кто музыку не любит!» Та с испугу все табакерки попирала.

– Смотрите, вон он, гад, сидит! – Суховская задумала перехватить внимание доктора и чуть не вилок ткнула в пожилого господина, одетого в наглухо застегнутый черный костюм. Его длинные седые волосы вздымались львиной гривой, он почти не ел, только слушал, прикрыв глаза, свой оркестр.

Вера Алексеевна отдавать Тоннера без боя Суховской не собиралась. При рассадке не обошлось без ее интриг! Поначалу хотела пристроить доктора в пару к дочке Машеньке. Но, поразмыслив, решила, что с молодым Тучиным та общий язык найдет, а со зрелым, но несколько угрюмым Тоннером, скорее всего, потерпит фиаско. Относительно доктора Вера Алексеевна все решила выяснить сама. Дворянин ли, хорошо ль обеспечен? Это самое главное!

Хороший жених – разумное сочетание сих двух качеств. Если Тоннер ими обладает, завтра можно и в имение пригласить, вроде как Люсенкину грыжу осмотреть. А ежели у Машеньки с Тучиным сладится, так у нас Лидочка подрастает. Всем хватит!

– Пока супруга Горлыбина жива была, он только на клавикордах играл. В хозяйстве был бесполезен, целыми днями рулады выводил. – Вера Алексеевна снова завладела вниманием Тоннера. – Наталья Саввишна, жена его, всегда мне говорила: «Не муж, а чучело. Рожь от пшеницы отличить не может. Цены только на ноты знает. Поест, попьет – и за клавикорды». Как двоих деток прижили – ума не приложу.

– Видимо, клавикорды в те дни ломались, – предположила Суховская.

– А я ведь тоже рожь от пшеницы не отличу, – огорчился Тоннер.

– Илья Андреевич, я вам покажу. Все, что захотите, покажу. – Суховская не на шутку разозлилась. Нечего Ростоцкой на всех подряд сети расставлять! Доктор – ее добыча, неужели не ясно?

– Лет десять назад Наталья Саввишна преставилась. Думали, что и Горлыбин за ней последует: стар, к жизни не приспособлен. А он после похорон стал оркестр создавать. Инструментов из Италии навывисывал, учителей из Петербурга – и начал своих крестьян кого на скрипке, кого на флейте, кого на чем мучить.

– Детки этого придурка – они давно взрослые, – увидав такое, хотели опеку оформить, но он их выгнал. – Суховская не уступала Ростоцкой, и Тоннеру приходилось то и дело поворачивать голову туда-сюда.

Вера Алексеевна сумела отведать вкуснейшую налимью уху, но, воспользовавшись паузой в речи Ольги Митрофановны, затараторила вновь:

– Все думали, что чудак разорится. Деньги все в забаву вбухал, скоро по миру пойдет. Но, представьте, на такой вот ерунде зарабатывать стал. У кого свадьба, где похороны, кто бал дает – везде музыка нужна. В другие уезды стали приглашать, потом – в Смоленск, теперь даже в другие губернии ездит.

– А летом прямо на полях репетирует. – Суховская в перерыве тоже похлебала ухи, один Тоннер смотрел на остывающий суп, не мечтая его попробовать. – И музыку, паразит, слушает, и за крестьянами приглядывает, чтоб не лодырничали!

– Разумно! – только и успел вставить Тоннер.

– Так что выяснилось! Где оркестр играет – урожай больше!

– Это ты, Оленька, привираешь, – махнула рукой Ростоцкая.

– Святой истинный крест, – побожилась Суховская. – Где у меня пуд, у него – под оркестр – два.

Вера Алексеевна задумалась, а потом, повернувшись к мужу, шепнула:

– В следующем году Петьку с балалайкой выпустим, а его Прасковья пусть на поле пляшет. С танцами, может, все три соберем.

Внезапно Горлыбин открыл глаза, и музыка сразу прекратилась. Поднялся предводитель местного дворянства Осип Петрович Мухин. Подчеркивая важность момента, солидно прокашлялся. Тучин с Угаровым заключили пари: произнесет ли очередную здравицу императору или поздравит-таки молодых? Тишину нарушали лишь мухи, летавшие по залу.

– Дамы и господа!

Замерли даже лакеи. Терлецкий покрылся липким потом: тост за государя неминуемо вызовет смех. Федор Максимович и сам не удержится! Но смеяться над монархом – преступление! Что ж делать?

– Дамы и господа, – повторил предводитель. Речь свою он записал на бумажку, но жужжащая муха отвлекала от написанного.

– Дамы и господа! Здоровье...

Лакей Гришка пришел на помощь, прихлопнув злокозненную муху прямо над ухом оратора, чем сбил его с мысли в очередной раз. Даже музыканты высунулись с хоров, так было интересно.

– Здоровье... молодым! – И Мухин шумно выдохнул.

От радости все зааплодировали, а пригубившим шампанского князю с княгиней закричали: «Горько!»

Михаил Ильич Рухнов, записанный Денисом в замухрышки, страдал. Он так надеялся на соседство с Настей за праздничным столом, столько сил приложил, чтобы сесть с ней рядом! Сел – и оцепенение напало! Слова сказать не может! А все из-за Шулявского! Кой черт принес его сюда? И двух франтов, что сидят напротив! На них Настя тоже поглядывает! Ой, даже на молокососа Митеньку взгляды бросает! Никого не пропускает! Рухнов с завистью посмотрел на художника Тучина: молод, богат, красив. Потому так легко и увлек Машеньку! Молодая Ростоцкая давно уже не изображала светскую львицу, беседа с Александром текла оживленно. Вопросы и ответы были самые обыденные, но в глазах девушки сверкали влюбленные искорки, и самые простые слова превращались в чувственные признания.

– Я мечтаю написать картину, – Тучин делился с ней замыслом. – Помпеи, раннее утро, но небо черно, свет лишь от зарева Везувия. Жители с пожитками бегут из обреченного города, в их глазах страх, и только один человек, художник, заморожен ужасным, но при этом невероятно красивым зрелищем и не может сдвинуться с места.

– А как он выглядит? – спросила Маша

– Он полуобнажен, у него одухотворенное лицо и...

– ...и маленькие усики? – перебила девушка.

Тучин улыбнулся. Флирт с Ростоцкой его забавлял. Приятно чувствовать себя неотразимым! Девица точно втрескалась по уши! Оставалось только сорвать созревший плод.

Маша спросила еще более нежно:

– Но он спасется? Вернется к своей любимой?

Ответил слушавший их Митенька:

– Не спасется. Там все погибли. Я читал.

Рухнов сочувственно посмотрел на него. Никакой он не соперник, товарищ по несчастью. Да и глядит Настя на Митеньку по-другому, обеспокоенно, не так, как на остальных. Видимо, переживает за родственника.

Музыка играла постоянно, замирая лишь во время тостов. Общего разговора за столом не получалось, зато все с удовольствием общались с соседями.

– Давно сюда прибыли? – поинтересовался Северский у американца Рооса.

– Уже две недели в России! Ох, как вкусно! – Этнограф попробовал медвежью котлетку.

– Это я косолапого завалил! – похвастался князь. – Если побудете в России подольше, в свою Америку и возвращаться не захотите!

– Да, Россия – лучшая в мире страна! – согласился Веригин и полушутя спросил этнографа: – Надеюсь, господин иноземец, возражений нет?

Американец спрятался за авторитет великого предшественника:

– Еще Геродот заметил: каждый народ убежден, что его собственные обычаи и образ жизни – наилучшие.

– И что, ваши полуголые индейцы тоже так считают? – удивился генерал.

– Представьте себе, да.

– И французы? – поинтересовалась княгиня Кусманская.

– Ваше сиятельство, абсолютно все народы, – заверил Роос.

– Так ведь они лягушек едят и сыр плесневелый! С таким-то рылом и в калашный ряд?

– Ерунда это все, – заметила Растоящая, – не едят они плесневелого. Когда после войны вернулись в имение, съестного не обнаружили. Только сыр! Он в погребе плесенью покрылся, и лягушатники есть его не стали. А остальное все сожрали – и собак, и кошек.

Тосты произносились все чаще: и за молодых, и за будущих деток, и за всех присутствующих, и за здоровье отдельных, особо важных, гостей.

Рухнов заговорить с Настей так и не решился. Но девица вдруг сама обратилась к нему:

– Что это вы, Михаил Ильич, воды в рот набрали? Выпили мало? Вчера-то с Глазьевым «барыню» плясали, стихи срамные декламировали, а сегодня будто немой сидите. Неужто сплин?

О вчерашнем Рухнов помнил далеко не все и окончательно смутился. С трудом промямлил:

– Нет, Анастасия Романовна, не сплин. Соседство с вами подействовало!

– Соседство со мной? – удивилась Настя. – Я разве похожа на Медузу Горгону?

– Медуза Горгона? Не имел чести быть ей представленным, – сумел пошутить Рухнов. – Как только сели рядом, мной такая нерешительность овладела!

– Хм, я давно заметила, – неожиданно сказала Настя. – Мужчины – существа нерешительные. С виду сильны, мужественны, на словах всегда знают, что делать. Но если женщина не подтолкнет, с места не сдвинутся.

– Подтолкните меня, Настенька, – полушутя-полусерьез попросил Рухнов.

– Пожалуйста! – Настя легонько толкнула его плечом, и оба засмеялись. Оцепенение мигом исчезло.

– Я хотел бы переговорить с вами тет-а-тет, – попросил Михаил Ильич.

Зеленые глаза удивленно распахнулись. Сердце несчастного замерло:

– Не думайте плохого, Настенька! Мыслей предосудительных не имею!

– Вот как? О чем же тогда разговор пойдет? – насмешливо спросила красавица.

Рухнов облизнул внезапно пересохшие губы. Отпустивший было ступор начинался заново.

– У меня намерения серьезные...

Зеленые глаза прищурились.

– Я...

– В белой гостиной, во время фейерверка, – оборвала Настя и повернулась к Шулявскому.

Рухнов залпом выпил фужер коньяка.

Обед тем временем подошел к концу. Насытившиеся гости вполуха слушали Рооса, рассказывавшего о нравах различных народов:

– У магрибцев столкнулся с совершенно дурацким обычаем. Почетному гостю, такому, как вы, генерал, у них на пиру полагается самый лучший кусок зажаренного барана.

– Что в том дурацкого? Я подобное отношение своими ранами заслужил! – чуть не обиделся генерал.

– Почетный гость, по мнению магрибцев, не должен утруждать себя жеванием. Жует мясо, а потом руками засовывает гостю прямо в рот самая старая, беззубая женщина. Ну как эта старушка, – Роос указал на сидевшую рядом с Северским его мать.

Княгиня Анна Михайловна Северская была одета совсем не празднично: тяжелое платье, больше похожее на салоп, на голове – невообразимый чепец с лентами и бумажными цветами. Личного доктора Антона Альбертовича Глазьева посадили с ней рядом, чтобы присматривал, но он, по своему обыкновению, налегал на напитки. Анна Михайловна иногда ела, причем с аппетитом, но большую часть обеда просто сидела молча, смотря невидящими глазами поверх голов.

После бестактных слов все дружно уставились на княгиню. Наступила тишина, даже оркестр смолк. А взгляд княгини вдруг стал осмысленным:

– Вася! Это что – свадьба? – спросила старая Северская.

– Да, матушка! А это моя жена, Лизонька, – ответил князь

– Я благословения не давала, – ледяным тоном сообщила Анна Михайловна.

– Матушка, вы не помните...

– Я-то все помню. А ты? Помнишь свою клятву? – спросил скрипучий голос громко и четко.

– Какую клятву, маменька? О чем вы?

– Я тебе больше не маменька! Я... Я проклинаю тебя! Не сын ты мне боле, – закончила разговор с ним княгиня и обратилась к невестке: – А ты уезжай отсюда, да побыстрей...

– Матушка не в себе. Доктор! – позвал оторопевшего Глазьева Северский. – Доктор, матушке хуже! Бредит. Сделайте что-нибудь.

К Анне Михайловне уже бежала Настя с темным пузырьком в руках.

– Анна Михайловна, – девушка вылила жидкость в бокал: – Выпейте! Вам полегчает.

– Сгинь, дрянь, с глаз моих! – Северская-старшая попыталась стукнуть по столу, но ее руку поймал Глазьев, а Настя, чуть запрокинув княгине голову, ловко влила ей в рот содержимое бокала.

– Дамы и господа! – произнес обескураженный князь. – Все вы знаете о болезни моей любимой маменьки. К сожалению, разум ее покинул. Старость не щадит никого!

По зеркально выбритой щеке князя поползла слеза. Расчувствовавшийся генерал поспешил на помощь – как почетный гость, он должен был покинуть стол первым.

– Поблагодарим нашего Амфитриона² за пир... – начал Веригин, но его перебила княгиня Елизавета:

– Господа, сейчас десерт подадим. Только скатерть надо поменять.

– Пусть меняют, а мы пойдем освежиться в парк. Погода больно прелестна. – И, подав руку Кусманской, генерал двинулся к выходу. Его примеру последовали остальные – всем хотелось на воздух.

² Амфитрион – мифический царь Тиринфа. Наричательное имя гостеприимного, радушного хозяина.

Глава четвертая

Митя сумел, правда, ненадолго завладеть Машенькиным вниманием, устроив для всей молодежи экскурсию по парку. Показал и наклоненную липу, по которой даже калека заберется к кронам желтеющих деревьев, и гипсовую вазу на мраморном постаменте, украшавшую заросший берег пруда. Сейчас вся компания направлялась к могилке на поляне. Митя, размахивая руками, рассказывал страшную историю помешавшейся девушки, но Маша его не слушала, шепталась о чем-то с Тучиным. Митя расстроился. Неужели все из-за прыщей? Сколько часов он провел перед зеркалом, уничтожая их, сколько ведер настоек и фунтов мазей извел – но проклятые прыщи и не думали сдаваться. Доктор Глазьев его утешал, говорил, что Митя перерастет, мол, надо подождать. Как ждать, если Машу, с именем которой последние полгода Митя ложился и вставал, на глазах уводит другой?

Юноша приподнял шляпу, приветствуя приехавших в бричке опоздавших гостей. Было их двое. Господин, одетый в зеленый уездный мундир, растительности не имел ни на лице, ни на голове, поэтому в свете прощального розового солнца его череп сиял, как рождественский шар. Окладистая, с сединой, борода второго давно спуталась с длинными, ниже плеч волосами, отчего и так немолодой их владелец походил на Мафусаила.

Увидев подъезжающих, Вера Алексеевна прекратила осторожный допрос Тоннера (дорого ли стоят ваши вызовы и как часто на них ходите?) и заговорщически прошептала:

– Помоложе, лысый – наш капитан-исправник, господин Киросиров.

Тот как раз вылез из брички и суетливо поздравлял княгиню:

– Я, так сказать, имею честь, ваше сиятельство, в этот счастливый день...

Следом не без труда вылез и «Мафусаил».

– Пантелей Худяков, – пояснила Тоннеру Растоцкая. Княгиня между тем так обрадовалась, что заключила Худякова в объятия.

– А кто он? – полюбопытствовал доктор, с удивлением наблюдая за этой сценой.

– Как? Не знаете про Пантелея? – обрадовалась Вера Алексеевна и набрала в легкие побольше воздуха. Тоннер понял, что рассказ будет долгим. – Это камердинер покойного Александра Северского. Незадолго до войны князь дал ему вольную. Помните несчастную Катю, что с колокольни сиганула?

– Да, – ответил Тоннер.

– Князь, уходя в партизаны, дочку Катю отправил к мачехе...

– Анне Михайловне, – сообразил доктор. Сумасшедшая старуха за обедом произвела на него неизгладимое впечатление.

– Как раз Пантелей Катю и повез, хотя и был недоволен этим поручением – к князю в отряд хотел. Уж больно зол был на французов – на лето свадьбу наметил, а тут Наполеон! Пока ездил, французы продвинулись почти к Москве, сюда было не пробиться, потому он в ополчение записался!

– Так жениться хотел, что на войну отправился? – усмехнулся Тоннер.

– Представьте себе! – подтвердила Растоцкая и, не желая удаляться от главной темы, с места в карьер спросила: – Доктор, а сами вы о женитьбе не задумывались?

– Пока нет, сударыня, – учтиво ответил тот. – Мне кажется, не готов к такому шагу. Но вы не закончили про Пантелея, – желая свернуть со скользкой темы про брак, напомнил доктор.

– Ах да, – спохватилась Вера Алексеевна. – Воевал столь успешно, что представлен был к офицерскому званию! Представляете? До Парижа дошел! Сам-то он не пьет, но обратил внимание, как полюбилось сослуживцам французское вино. И решил его в Россию поставлять – мол, офицеры скоро домой вернутся, и что прикажете им пить после бордо? Неужели анисовку?

Подбежал запыхавшийся Андрей Петрович:

– Люсенька, господин американец предлагает купить у него пару книг.

Тоннер, до сих пор горевавший о потерянных сорока рублях, отвернулся и прислушался к героическому Пантелею, объяснявшему княгине причину задержки:

– Мост сгорел. Пришлось лодку нанимать. До почтовой станции шел пешком, там господин капитан-исправника встретил, упросил подбросить.

Киросирова на этих словах передернуло, он трижды перекрестился – почему-то даже столь непродолжительное соседство с купцом Пантелеем было ему отвратительно.

– Мост сам сгорел или поджег кто? – спросила купца княгиня.

– Подождли, это ясно, – чинно ответил Пантелей. – Везде вдоль дороги сено валяется. Думаю, воза три привезли, рассыпали и подпалили. Доски-то, которыми мост весной ремонтировали, дегтем не обработали! Я еще в прошлый раз внимание обратил! Вот и занялись мгновенно.

– Павел Игнатьевич, – обратилась Элизабет к своему управляющему, который вновь появился моментально, как только понадобился хозяйке. – Найдите-ка Петушкова. – И тут же повернулась к Киросирову: – Господин исправник! А не разбойники ли мост сожгли?

– Как сказать, – начал лысый господин, – наверно...

– Ну какие разбойники? – удивился подошедший предводитель Мухин. – Последнего, Ваньку Свистуна, давно поймали...

– Но пособники остались, – уверенно заявил Киросиров. – Я вам, Осип Петрович, докладывал.

– Проведите расследование, – приказала княгиня. – Не можем же мы по два раза в год этот мост чинить.

Подбежал Петушков, управляющий имением Северских, низенького роста, дерганый, с бегающими глазами

– Обработывали дегтем доски для моста? – поинтересовалась у него княгиня.

– А как же! Обработывал, – поспешно ответил он. – Самолично.

Однако Северская так выразительно на него посмотрела, что поспешил поправиться:

– То есть самолично осматривал.

– Все понятно. Поговорим позже, – княгиня жестом отпустила его.

– Люсенька, верни немедленно! Хорошо, сразу не заплатил. – Растоцкая подтолкнула мужа, которому явно было очень неудобно возвращать книги. – На чем, бишь, я остановилась, Илья Андреевич?

Тоннеру пришлось обернуться к спутнице:

– Вы рассказывали про Пантелея. Кстати, а как он познакомился с княгиней?

– Он закупал вино у маркиза Камбреме, ее первого мужа! А когда тот умер, не кто иной, как Пантелей, познакомил ее со вторым, с Бергом! Помните, который водами лечился?

– Помню! – вздохнул доктор. Семейная сага Северских его уже утомила. Поинтересовался лишь из приличия: – А сам-то Пантелей таки женился?

– Уже и овдовел. Померла в прошлом году его Василиса. Переживал сильно. Сыночек у них уже большой. Богатый наследник! Жаль, не дворянин, – посетовала Растоцкая.

Молодые люди вместе с ее дочерьми уже возвращались. Вера Алексеевна заметила отчаянье в глазах Мити и расстроилась. Антон богат, но не дворянин, Митя дворянин, но нищ, как церковная крыса. Ну что ему от маменьки, всю жизнь проведенной у сестры в приживалках, осталось? Ох, какой день неудачный! Женихов много, а толку мало! Может, с Тучиным сладится?

Дверь в буфетную приоткрылась. Убедившись, что нет господ, только рыжая горничная возится с посудой, вошел тучинский слуга Данила.

– Господ гостей накормили, а слуг гостей голодом морите? Ежели слуг не кормить, все господа исчезают.

– Что за ерунду вы говорите? – Девушка удивленно оглядела Данилу. Невысокий, с веселыми живыми глазами и франтоватыми усами на рябом лице, по возрасту годился ей в отцы, но был еще крепок и жилист.

– Как же! Коли слуг не кормить, то они, прости Господи, преставятся! А без слуг-то и господа – не господа, а сами себе слуги. Сам оденься, сам обед подай, сам со стола убери... Давайте, пока не помер, помогу.

– Спасибо, конечно, но как-нибудь сама! Еще сломаете чего, – ответила горничная.

– Я ломать не умею! Не учили такому! Все замечательно делаю! – Данила попытался приобнять девушку, но та недовольно вывернулась.

– Но-но! Я – девушка сурьезная, вдарить могу. Лучше и вправду помогите, чем обниматься! Вон бутылки пустые соберите в ящик. А я покамест вилки пересчитаю!

– И счет знаете? – восхитился Данила.

– Знаю, я девушка ответственная. Так княгиня Анна Михална говорила, пока соображала! Все верно, три дюжины без одной!

– Украли?

– Да нет! Ею князь во рту ковырял и зуб сломал.

– Свой?

– Экий вы смешной! Вилкин! Свои у него крепкие, хоть и старый.

– А меня, между прочим, Данилою звать, – решил представиться гость.

– А меня Катей. Щас покормлю, дядя Данила, еды много – свадебный пир как-никак.

– Да какой я тебе дядя? Просто Данила. Или стариком кажусь, как князь ваш? Так я еще крепенький, кочергу могу в бараний рог скрутить.

– Кочергу положьте!

– Как прикажешь! Для тебя все сделаю! Ты мне очень понравилась. Люблю таких – рыженьких да ответственных.

– Точно, не старик! Старый кобель! Первый раз увидели – и сразу про любовь...

– Мне ухаживать некогда, завтра уезжаем. – Данила рискнул еще раз приобнять и чуть не получил по спине кочергой, руку в полете поймал. – Ух и нравишься! Решительных ведь тоже люблю!

– Берите-ка ящик! Чтоб руки загребушие занять!

Катя собрала тарелки и вместе с Данилой двинулась через лужок к постройкам на заднем дворе.

– Вы чей слуга-то? – Хотя и дала отпор, гость девушке приглянулся.

– Молодого барина.

– Какого? Того, что побольше?

– Нет, с усами.

– Пригож.

– Это ты про барина или про меня?

– Оба хороши! Слыхала, за границуе были?

– Ага. В Италии и еще много где.

– Ну и как там? – Катя поставила посуду и повела Данилу в людскую.

– Сейчас расскажу. В Италии, как полюбят кого, сразу и признаются, а еще ночью споят, чтоб любимая точно знала.

– Вот дураки, спать мешают. А Италия, она где? Сразу за Смоленском или дальше?

– Дальше, сразу за Францией.

– Хранцию знаю. Сюда хранцузы приходили, когда маленькой была.

– А еще в Италии мне цыганка гадала. «Любовь к рыженькой, – сказала, – тебя жизни лишит или сильно ранит».

– Ах, вот куда цыгане укатили! За Хранцию, стало быть. А по весне туточки проезжали. За вашей Италией дальше что?

– Ничего! Только море.

– Значить, цыгане вскорости возвращаться будут. Я все понять не могла – они то туда, то сюда. Теперь поняла – дойдут до моря и обратно.

– Я думаю, та цыганка про любовь к тебе, Катя, нагадала. Чувствую, как от любви поми-раю.

– Нет, про меня не могла. Меня цыганки и не видели. Дворню к ним не пускают. Только кривая Авдотья ослушалась – сбегала.

– И что? – Данила уже сидел за большим столом, а Катя наливала ему шей.

– Да ничего, платок украли, а так ничего. Да и кому она, кривая, нужна? А что ж в Италии своей не влюбились? Баб там нет?

– Ух, щи-то горячие, – попробовал Данила. – Бабы есть, только все толстые, как бочки, и черные, как смоль, а я худеньких да рыженьких люблю.

– Лицом черные? – ужаснулась Катя. – Вот страсть-то иерихонская!

– Ой, как ты, Катенька, ругаешься, просто прелесть! Еще сильнее поцеловать хочется.

– Не балуйте! – Катя погрозила пальцем, но на этот раз улыбнулась. – Вот замуж выйду, пускай муж целует.

– А если я замуж позову, пойдешь?

– Какой из вас муж? Вы человек молодого барина, я – северская крепостная. Кто меня отпустит?

– А я барчука своего попрошу, выкупит. С малолетства за ним хожу, не откажет! – про-молвил Данила, облизывая ложку. – Только одно скажи, Катенька, нравлюсь ли?

– Нравитесь! – призналась Катерина. Замуж ей давно хотелось, и мужик приглянулся. – Только я вам в дочки гожусь!

– Так и хорошо! У всех жены старые да сварливые будут, а у меня новая и красивая! – Данила хитро взглянул на девушку. – Пойдешь за меня?

– Вы, Данила, не знаю, как по батюшке, кушайте лучше! И так все остыло за разговорами, а мне работать надо. – Не могла так сразу Катя ответить, подумать хотела.

– Ой, Катя! – Лицо Данилы вдруг стало озабоченным. – Я тебя как увидел, сразу про все и позабыл. Там еще генералов денщик да слуга поляка. Все кушать хотят. Меня послали в разведку, а я вот опростоволосился.

– Сейчас я их позову. А вы ешьте, ешьте!

Девушка выскользнула из людской, так тепло улыбнувшись напоследок, что Даниле захотелось от счастья спеть серенаду.

Очередной жертвой развернувшего книготорговлю Рооса стал предводитель Мухин. Решив, что лидер местных латифундистов богат как Крез, американец продал несчастному комплект с непременно пером аж за восемьдесят рублей. На очереди был Веригин:

– Учитывая необычайную полезность этнографических книг для военных, осмелюсь запросить всего семьдесят пять рублей за обе.

– В чем полезность-то? – поинтересовался Веригин.

– Чтобы покорять народы, надо знать их обычаи и нравы!

– Кабы мы с бедуинами сейчас воевали или с индейцами, я бы и за сто бы купил, и еще тебя, соколика, расцеловал троекратно. Но мы пока своих горцев усмиряем! Про горцев ничего нет?

Опешивший Роос машинально протянул заготовленное перо, не зная, что и сказать. Павел Павлович даже в руку подарок не взял:

– А перо-то дерьмовое! Гусиные лучше.

Возразить американец не успел. Генерала окликнули сзади:

– Не вы ли, ваше превосходительство, это чудо подарили? – Новобрачный держал краснотеревенный футляр.

– Увы, ваше сиятельство! Я преподнес табакерку. А пистолы преподнес пан Шулявский!

– Какая работа! Надо попробовать в деле!

– Согласен!

– А может, турнир затеете – кто лучше стреляет? – предложила стоявшая с генералом под ручку Кусманская, поклонница Вальтера Скотта. – Только надобно приз победителю придумать!

– Призом будет ваш поцелуй, мадам! – хмыкнул Северский.

Кусманская смутилась и покраснела:

– Ну, я не знаю...

– Призом будет мой поцелуй, – предложила подошедшая к мужу Елизавета Северская.

На лице Кусманской кокетство сменилось отчаянием:

– А вдруг Василий Васильевич промахнется? Ему будет больно на такое смотреть!

– Северские не проигрывают! Пусть хоть все присутствующие стреляют, все равно выиграю я! Гришка! – позвал Северский лакея. – Зови-ка гостей! И Никодима кликни, пусть пустые бутылки тащит! Стреляют все! Приз – поцелуй княгини!

– Княгиня, княгиня! А вдруг эту княгиню первый муж в борделе нашел? У французов и не такое случается! – прошептала на ухо Веригину Кусманская, как всегда, по-французски. Генерал чуть не задушил противную старушечку!

Стрелять решили возле пруда, примыкавшего к правой части господского дома. С мраморного постамента сняли вазу, на ее место каждому стрелявшему, а их набралось человек двадцать, Гришка ставил по пять пустых бутылок. Егерь Никодим ловко перезаряжал пистолет. Чтобы все было по-честному, стреляли из одного, поэтому забава затянулась.

Били с пятнадцати шагов. Первым жребий выпал генеральскому адъютанту. Мускулистые стройные ноги Николая, плотно обтянутые рейтузами, вызвали восхищение собравшихся дам. Художник Александр Тучин, поклонник не только женского пола, тоже зацокал языком. Николай попал лишь однажды. Князь усмехнулся, мол, опасался, мишеней не хватит, а здесь такие стрелки, что лишние останутся.

Восстанавливать армейскую честь пришлось генералу. Слабое зрение не позволило ему попасть во все пять бутылок, Веригин ограничился четырьмя. Этнограф отстрелялся с тем же результатом, посетовав, что первый выстрел получился пристрелочным, не сразу пистолет почувствовал. Переводчик Терлецкий выбил лишь две мишени, как и стрелявшие после него Мухин, Киросиров и Ростоцкий.

Хоть в жизни Тоннера случались приключения, и притом опасные, он держал оружие в руках впервые, поэтому все пули ушли «в молоко». Впрочем, последнее место доктор разделил с Рухновым, которого князь ехидно спросил:

– Что, Мишель, тяжелее гусиного пера ничего в руках не держал?

– Нет, ваше сиятельство, – понуро согласился Рухнов.

– А я в твою честь охоту затеял, – делано расстроился Северский.

– В мою честь? – удивился Михаил Ильич.

– В твою, Мишель, в твою! Ты же у нас высокий гость. – Князь весело засмеялся и, проведя рукой черту у своей груди, показал, насколько высок Рухнов. Тут смеха не смогли

сдержать и остальные. Что самое ужасное, все слышала Настя! Михаил Ильич готов был сквозь землю провалиться.

– Ну ты чего, не обижайся. – Северский обнял и чмокнул Рухнова в затылок, пощекотав пышными усами. – Люблю тебя и ценю. Хотя бы за то, что избавил от поездки к вашим болотам. Не люблю Петербург! Да и меня там не привлекают!

Северский на миг погрузился, вспомнив что-то неприятное. А потом вновь улыбнулся и похлопал Рухнова по плечу:

– А охоту мы организуем! Завтра же! Никодим! – обратился он к угрюмому егерю. – Кабанчика не встречал?

– Давно всех постреляли, – ответил Никодим, чистивший пистолет.

– Это они к Растоцким ушли! Назло мне! Ничего, и там их достанем!

Андрей Петрович нервно сжал кулаки, а Северский, глядя на него, заржал:

– Испугался?

– Василий Васильевич! Андрей Петрович! Помиритесь же! – вспомнив просьбу Растоцкой, попросила Елизавета Северская. Князь посуровел и помотал головой. – Ну, ради меня! В день свадьбы!

Северский оглянулся по сторонам, словно ожидал от кого-то помощи. Но Вера Алексеевна толкнула мужа прямо на него, и князю ничего не оставалось, как его обнять. Кто-то хмыкнул – Тоннеру показалось, то была Настя, – остальные публичному примирению зааплодировали.

– Раз кабанчика нет, поохотимся на зайцев, – решил князь, отпустив из мощных рук побледневшего от объятий Растоцкого. – Приглашаю всех! Завтра! А почему никто не стреляет?

Никодим с поклоном подал Угарову пистолет – следующим на очереди был он.

Пока стрелял Денис, к Тучину, по жребии следующему, подошел предводитель Мухин:

– Господин художник! За портретик дорого запросите?

– Какой портретик? – удивился Александр.

– Мой! Прошу вас намалевать!

– Помилуйте, милостивый государь! – воскликнул Тучин. – Вы что, заказ хотите сделать?

– Чему удивляетесь? Вы же художник!

– Но я проездом. Завтра уеду!

– Значит, у нас весь вечер впереди. Мой Фрол, иконописец, целую церковь за неделю расписал. Очень живенько получилось.

– К нему и обратитесь!

– Обращался. Сказал, лишь на святые лики благословение имеет. Как, говорит, причислят тебя, Мухин, к сонму святых, сразу нарисую. Ждать больно долго!

Тем временем Денис отстрелялся, и неплохо – три из пяти. Тучин очень хотел его превзойти, особенно на глазах у Машеньки. Но то ли сильно волновался, то ли слишком его развеселил Мухин, попал Саша только раз, да и то сам не понял как.

Предпоследним стрелял Шулявский. Внимательно осмотрел пистолет, погладил, словно приручая дикое животное, – и, почти не целясь, выстрелил. Первая бутылка со звоном разлетелась. Потом вторая, третья, четвертая! Перед последним выстрелом Никодим заряжал пистолет долго, желая вывести поляка из равновесия. Но тот с волнением справился, послав и последнюю пулю точно в цель.

Северский стрелял последним. Пять из пяти! Княгиня нежно поцеловала мужа, а потом чмокнула в макушку и присевшего пред нею Шулявского.

– А победитель-то не выявлен! – злобно прошипела все еще уязвленная Кусманская. – Да и кто на турнирах по бутылкам стреляет? Надо по яблочкам!

Княгиня почему-то очень уважала разбойника Вильгельма Телля.

– Согласен, – усмехнулся Шулявский и недвусмысленно посмотрел на Настю. – Что будет призом на этот раз?

Та быстро ответила, опередив собиравшуюся с духом Кусманскую:

– На этот раз целовать буду я!

– Я думаю, дополнительный турнир излишен, – улыбнулась мужу княгиня Елизавета.

– Василий Васильевич, – повернулась Настя к Северскому, – участвуете? Или я могу Анджея сразу поцеловать, без поединка?

– Участвую, – буркнул князь. – Гришка, ставь яблоко.

– Чтоб еще интересней, яблоко на моей голове будет! – Настя взяла из поднесенной корзины фрукт и пошла к вазе.

Внезапную тишину нарушил Рухнов:

– Анастасия Романовна, что вы делаете? Промahnуться может самый лучший стрелок!

Девушка не обернулась, лишь пожала плечами. Подойдя к вазе, положила яблоко на шляпку и встала к публике лицом. Шулявский снова стрелял первым. Опять осмотрел пистолет, долго гладил, даже что-то шепнул, а потом, мельком взглянув на мишень, вскинул и тотчас выстрелил. Кто-то из женщин, не выдержав напряжения, вскрикнул, но затем все увидели, что Настя стоит живая и без яблока. Все зааплодировали.

Гришка принес второе яблоко. Оно оказалось больше первого, и Настя выкинула его в траву, приказав принести точно такое же. Генерал взглянул на княгиню Северскую. Она кусала губы, но князя не отговаривала. Василий Васильевич взял пистолет и принялся целиться, рука у него дрожала. Настя глядела на него с усмешкой.

Выстрел, хотя его все ждали, прозвучал неожиданно. В яблоко Северский не попал. Тоннеру показалось, что князь намеренно целился выше. Улыбающаяся Настя прошла мимо застывшего после выстрела князя и нежно поцеловала в губы Шулявского, после чего сделала княгине Елизавете издевательски глубокий книксен. Та не растерялась, ответила таким же.

Глава пятая

Тоннер, с детства понимавший толк в сладостях (родители держали модную в Петербурге кондитерскую), был приятно поражен поданными к чаю пирожными. С удовольствием уплетал и выпеченные колечками меренги, воздушную сладость которых оттеняло фисташковое мороженое, и ананасовый желей. Тонкий вкус заморского плода полностью потерял характерную терпкость, и доктор решил посоветовать родителям добавить сие угощение в меню заведения.

Вера Алексеевна, подробно расспросив, интерес к Тоннеру утратила. Да, его отец – французский дворянин. Но поместье в кармане не привезешь. Продав небольшое количество семейных драгоценностей, Анри де Тоннэ открыл свое дело в России. Но кроме Ильи, завел еще четверых детей, так что наследником доктор был небогатым. А мать и вовсе не дворянка! Старший Тоннер женился по любви на девушке из Немецкой слободы.

Ольгу Митрофановну Суховскую сии подробности, торопливо сообщенные на ушко, ни капельки не смутили. Чокаясь с Тоннером, необъятная помещица заговорщически сказала:

– Я хочу поговорить с вами, как с доктором.

– К вашим услугам, сударыня!

– Не здесь и не сейчас, – томно прошептала Суховская. – Тут людно, а с доктором надобно говорить интимно, как на исповеди.

– Разумеется, Ольга Митрофановна, иначе врач не сумеет помочь, – уныло согласился Тоннер.

Исповедь настигла бы доктора намного раньше, но во время перерыва у Суховской случилось неотложное дело. Небольшой, но очень плодородный луг находился как раз на границе ее поместья и угодий Горлыбина и не первый десяток лет служил яблоком раздора. Каждый считал его своим. Бывало, днем крестьяне Суховской лужок выкосят, а ночью люди Горлыбина приедут и сено увезут.

Переговоры на высшем уровне ни к чему не привели. Обе стороны были уверены в своей правоте. В уездном кадастре записи про сей луг были утеряны, а судебные споры, благодаря искусству жадных стряпчих, закончились без результата.

Сталкиваясь с Горлыбиными, Суховская непременно начинала выяснять с ними отношения. С покойной Натальей Саввишной однажды чуть до рукопашной не дошло. После ее кончины объектом атак стал сам Горлыбин. Суховская считала его глупым и непрактичным, поначалу надеялась на легкую победу, но тот стойко, можно сказать изобретательно, держал оборону.

Пока остальные гости наслаждались послеобеденным моционом, Ольга Митрофановна, как кошка воробья, с высокого крыльца выслеживала Горлыбина. Увидев, что он в одиночку забрел на неширокую тропинку, с неожиданной резвостью бросилась за ним. Загородив роскошным телом путь, Суховская с жаром стала убеждать соседа более не претендовать на принадлежащий ей по праву луг. Горлыбин слушал ее, как свой оркестр: закрыв глаза и чуть покачиваясь на ветру. Когда помещица иссякла, он мягко заметил:

– Ольга Митрофановна, слишком стакатто! Не смог уловить смысл. Повторите, пожалуйста, умеренно.

Замаявшаяся Суховская начала по новой, более плавно и громче, боясь, что закрывший глаза Горлыбин заснет.

– Лучше, гораздо лучше, Ольга Митрофановна, – похвалил музыкант. – Только зачем так форте? Пьяниссимо, пьяниссимо, умоляю вас!

Помещица так возмутилась, что сошла с тропинки, открыв Горлыбину дорогу. Для своих лет поклонник Моцарта бегал довольно резво, и Суховская, с трудом за ним поспевая, повто-

рила свою речь в третий раз, но уже тише. Выйдя к пруду, где как раз начиналось состязание в стрельбе, Горлыбин вновь ее похвалил:

– Прекрасно, Ольга Митрофановна, прекрасно! Еще пяток репетиций – и я буду удовлетворен.

– Что вы мне зубы-то заговариваете! – потеряла терпение Суховская, но тут Веригин первым попал в бутылку, и владелец оркестра ее перебил:

– Посмотрите, ну посмотрите скорей! Какой выстрел!

Ольга Митрофановна сдуру попыталась глянуть на постамент. Из-за невысокого роста ей пришлось приподняться на цыпочки, что при ее весе было не так-то просто. Налюбовавшись разбитой бутылкой, Суховская обнаружила, что Горлыбин исчез. И как его ни высматривала, даже на крыльцо снова взобралась, – до самого десерта не нашла.

Сейчас за столом их разделяло безопасное расстояние, и Горлыбин наслаждался чаем под звуки своего оркестра.

Быстро расправившись с десертом, Маша Ростоцкая приказала слуге принести альбом. Еще сегодня утром девушке нравился Митенька. Шесть месяцев он забрасывал ее любовными письмами, так пылко описывая свои чувства, что растопил бы и не столь романтическое сердце. Но, лишь увидев Тучина, Маша поняла: это – Он! Красив, умен, талантлив, богат! Саша ей так нравился, что хоть сейчас заняла бы место невесты за свадебным столом. К тучинским пухлым, под детскими усиками, губам хотелось прильнуть и крепко-крепко поцеловать, а потом выйти в парк. Конечно, одним, без всяких Лидочек. И гулять всю ночь, нежно обняв друг друга. Интересно, любит ли Саша стихи? Если да, то читали бы наизусть. Можно по очереди, а лучше взахлеб, перебивая друг друга – строчку она, строчку он.

Принесли альбом, и Александр с удовольствием принялся рисовать в нем Машеньку. Любуясь счастливой девушкой, с удовольствием позировавшей Тучину, Илья Андреевич внезапно понял: Вера Алексеевна права! Пора жениться! Вот доцент Шукин – прекрасный был терапевт, отдавал всего себя работе, даже жил в клинике. Там и умер, тридцати семи годов. На обходе захрипел внезапно, упал и отдал Богу душу. Маленький сгусток крови закупорил доценту легочную артерию. И что оставил после себя Шукин? Да ничего. Скелет, который завещал Академии! Ни детей, ни жены! Не успел.

Князь Северский чувствовал себя не в своей тарелке. Почти не ел, лишь задумчиво ковырял десерты вилочкой, на вопросы жены отвечал невпопад. Почувствовав его настроение, она деликатно оставила мужа в покое и принялась мило беседовать с Веригиным, чему Павел Павлович был очень рад. Проявившая же геройскую безрассудность Настенька была оживлена, по обыкновению стреляла глазками. Изредка кидала быстрые взгляды и на Северского, но тот был столь задумчив, что не замечал этого.

Угаров, обнаружив любимое варенье из крыжовника, уничтожал блюдечко за блюдечком, совсем позабыв о Лидочке. А потом вспомнил Вареньку Тучину, с которой вместе вырос, и загрустил. До поры до времени считал ее просто другом, но в поездке начал сильно скучать, писал длинные письма, считал дни до встречи. Денис гнал мысли о любви, тем более о браке, но только смыкал глаза, сразу видел Варю: вот она пьет чай на террасе и мило улыбается, вот в «Акулину» с друзьями дуется и так хороша, когда проиграет и платок наденет...

За окном стемнело. Седой дворецкий с белой салфеткой на руке известил, что для фейерверка все готово. Очнувшийся князь пригласил всех в парк, добавив, что после огненного представления десерт продолжится, но уже в столовой. Гости намек поняли, мол, пора и по домам. Страшно расстроились барышни Ростоцкие – надеялись, что свадебное торжество закончится балом, благо и оркестр имелся.

Фейерверки смотрели у пруда. Северский сам командовал запуском разноцветных ракет, ярко освещавших ночной парк.

– Вам очень повезло, господин этнограф! Фейерверк – типично русская забава, выдумана Петром Первым, – пояснил предводитель Мухин американцу.

Этнограф удивился:

– А я думал, их китайцы придумали!

– Китайцы у нас подсмотрели и выкрали секрет, – попытался вывернуться Мухин.

– Да, – поддержала его Суховская, – все здесь кишмя кишит китайскими шпионами.

Ольга Митрофановна даже за руку Терлецкого схватила, чтоб тот скорее перевел, и на секунду выпустила Тоннера, который резво юркнул в темноту, попутно удивившись, что русская забава называется немецким словом.

Терлецкий, по долгу службы как раз шпионов ловивший, переводить не стал, а Ростоцкая вновь пристыдила подругу:

– Ты, Оленька, китайцев себе представляешь? Они глазами косые! Федор Максимович их мигом бы пере-ловил!

Суховская изумилась:

– Мой Емеля-косой, он что, китаец?

Тоннер, забираясь по парку подальше от Ольги Митрофановны, наткнулся на шептавшихся Тучина с Машенькой. Очередная вспышка на миг выхватила из темноты спрятавшегося неподалеку Митеньку. Он безнадежно смотрел на счастливую парочку и тихо шевелил губами.

Поплутав в поисках укрытия, Тоннер нашел большое дерево и обрадовался: Суховской придется здорово потрудиться, чтобы его обнаружить. Спасен! А завтра – в Петербург, домой!

Но не только доктор искал укромный уголок! К дереву, за которым спрятался Тоннер, подошли с другой стороны. Доктор растерялся и поневоле стал свидетелем немало изумившего его разговора.

– Потрудись объяснить, что ты здесь делаешь? – грозно кого-то спросила княгиня Элизабет.

– Генерал же все объяснил! «Провидению было угодно, чтобы восемь путников попали к вам на свадьбу», – Шулявский удачно передразнил Веригина.

– Если провидение спалило мост, мне кажется, я с ним знакома!

– Лиза, ты так хороша в подвенечном платье! Я не мог пропустить это зрелище!

– У тебя был шанс увидеть его гораздо раньше!

– Да, – рассмеялся Шулявский, – а я так бездарно его упустил!

– Лучше поблагодари Господа! Если бы я узнала о твоих занятиях после свадьбы, разрядила бы тебе в голову пистолет.

– Северского ждет та же участь?

– Ты пьян?

– Трезв, как стекло! Но ставлю все деньги, что князь недолго проживет!

– Откуда у тебя деньги? Снова кого-то ограбил?

– Пока никого, но собираюсь. Тебя!

– Меня? Зря я тогда не сдала тебя в полицию!

– Все из-за любви, дорогая.

– Да, я любила тебя, Анджей, а ты...

Тоннеру стало дурно. Никогда в жизни он не подслушивал, но покинуть без позора место разговора двух бывших влюбленных было совершенно невозможно.

Шулявский продолжал:

– Знаешь, узнав о тебе больше, я почувствовал, что тоже люблю тебя. Как много ты перенесла, как страдала...

– Что ты узнал?

– Все, Лиза, абсолютно все! Заканчивай поскорее с князем, и едем в Америку!

– Ты таки пьян! Никуда я с тобой не поеду!

– Как угодно! Молодых девок много, хотя бы ваша Настя! Знаешь, как надоели старухи? Вечно стремятся надуть!

– А мне надоел ты! Немедленно убирайся вон, не порть мне свадьбу!

– Ну же нет! Тебе надо было выслушать меня в предыдущий приезд, пару месяцев назад. И обошлось бы дешевле, и веселилась бы сейчас на славу!

– Я не учла, что, если вытолкать тебя в дверь, ты влезешь в окно!

– А теперь ты вышла за Северского, и все тузы у меня в рукаве.

– Что еще за тузы?! – воскликнула княгиня.

Ответ Тоннер узнал лишь через день. В свете очередной ракеты Суховская наконец нашла спрятавшегося доктора.

– Ах, вот вы где! В темноте так легко потеряться!

Сконфуженный Тоннер вылез из-за широкого дерева и обреченно двинулся навстречу преследовательнице. В свете еще одной вспышки доктор увидел недовольное лицо Шулявского. Его возмущение Тоннер полностью разделял и попытался виновато улыбнуться. Мол, не хотел, случайно вышло. Княгиня же появлению Ильи Андреевича обрадовалась:

– Вы ведь доктор из Петербурга?

– Да, Тоннер Илья Андреевич, – напомнил он.

– Я хотела вас попросить перед отъездом осмотреть мою свекровь.

– Всегда к вашим услугам, ваше сиятельство. – Тоннеру и самому было интересно, какой микстурой потчуют сумасшедшую старуху. – А мост когда починят?

– К утру будет готов.

– Лизочка, – Суховская добралась до злополучного дерева, – спасибо! Так было вкусно! Счастья тебе! – На радостях помещица полезла целоваться.

Шулявский переминался с ноги на ногу, в нетерпении покусывая ногти. Расцеловав, Суховская выпустила Элизабет из объятий и поволокла Тоннера обратно к пруду.

– Вот о чем я хотела с вами поговорить, дорогой Илья Андреевич... – От многочисленных физических нагрузок, выпавших на ее долю за день, помещица тяжело дышала. – В последнее время стала хуже себя чувствовать. Матушка моя, дай ей Бог здоровья, считает, что я неправильно питаюсь. Вот и решила посоветоваться.

– Расскажите поподробнее, Ольга Митрофановна, во сколько встаете, что кушаете в течение дня, – постарался придать заинтересованность своему голосу Тоннер.

– Встаю раненько. Часов этак в семь. Сразу за молитву.

– В кровать еды не подают?

– Ну как не подают? Я и молиться не смогу. Урчать будет в животе. Но кружечка молочка теплого разве еда? И булочек тарелочка... Помолюсь с часок, затем умоюсь – и закусить перед завтраком.

– Перед завтраком? – удивился Тоннер.

– А как аппетит расшевелить? Обязательно надо. Ветчинка, грибочки соленые, сырку фунтик. Всего по чуть-чуть. Потом завтрак. Сначала яичница на сале. Прямо на сковородке, чтоб вся дюжина шкварчала!

– Дюжина? – с ужасом переспросил Тоннер.

– Когда очень голодна, могу и из пятнадцати яиц. И квасом все запиваю. У меня всегда в ледничке, холодненький. Будете довольны! Очень для пищеварения полезен. Если квасу не пить, только клизмой спастись можно. Потом мяско постненькое или холодец, каши. Гречневую страсть как люблю, и чтоб рассыпчатая, да туда масла... и свининки копченой. Пальцы не то что облизать, сгрызть после такой вкусноты хочется.

Суховская еще крепче вцепилась в руку Тоннера.

– Под конец молока кислого выкушаю. И все. Делами пора заниматься! У меня такое хозяйство! Сама не понимаю, как справляюсь. Перво-наперво управляющего допрошу, шельмеца. Битый час антихриста пытаю. Если кофий со сливками в сей момент не испить, могу гаду голову откусить. А так пирожок с брусничкой или визигой, и успокоюсь. Прощу дурака никчемного – и начинаю объезд владений! Скоренько так бульон с расстегайчиком выкушаю, закутаюсь потеплее, в бричку – и полетела!

– В дороге ничего не едите? – опасливо осведомился Тоннер.

– Ничего. Только фрукты. Яблочки там, груши. Сливы, когда уродятся. В этом году такие, что ведро съешь – не заметишь. А зимой мешочек сухофруктов. Для зубов полезно, чтоб не стерлись. Поезжу, с холопами поговорю, на полях все осматрю – и домой! Приезжаю всегда такая голодная! Вся дворня в это время меня боится. Закусочки прямо к крыльцу выносят!

– Что закусываете? – поинтересовался Тоннер.

– Вы про спиртное? Рюмочку настойки завсегда пропускаю. Но за обедом! А так – ни-ни. Закушу холодненьким язычком, капусточкой квашеной, огурчик малосольный непременно, и жду обеда.

– Поздно обедаете?

– Да через полчаса после возвращения. Щец или борща как наверну! А потом – гуся с груздями или цыпленка табака. И обязательно, чтоб на столе колбаска кровяная или паштетик печеночный и два соусника каши на крепком бульоне. Все с белым хлебцем ем, от черного изжога. Компота напьюсь и вздремнуть иду. После обеда такой сон сладкий. И сны хорошие! Вот давеча снилось, будто Элизабетушка наша паштетика мне прислала из гусиной печени с трюфелями. Очень он вкусный, только дорогой. А тут целое ведро в подарок! Такая счастливая проснулась! Противень пирогов с капустой на полдник одолела. Обычно только половинку!

Фейерверк закончился, местные помещики потихоньку разъезжались, прощаясь с гостеприимными Северскими и их неожиданными гостями. На ночь в усадьбе решил остаться исправник Киросиров. Жил он далеко и домой, желая принять участие в обещанной охоте, ехать не захотел. Пантелей Худяков отправился ночевать в село к своей родне.

– В пять пополудни у меня всегда «Фуфайка клок», – продолжала Суховская.

– Что, простите? – Доктор с нетерпением ждал, когда Гаргантюа в юбке отправится восвояси.

– Ну, так Вера Алексеевна чаепитие на аглицкий манер называет.

– А-а, – понял Тоннер.

– Ватрушечку всегда заказываю к чаю. Ну, само собой, меренги, конфеты, варенья сортов десять с булочкой. Иногда пирожные прошу сделать или кекс. Часок, а там и ужин готов! Уха с пирожками, блины, вареники. Люблю, чтоб со сметаной и медом. Лучше всяких соусов заморских, сами попробуйте! Затем котлетки мясные, а под конец картофельные с начинкой. Снова молочка – и на боковую.

Тоннер поежился:

– И давно такой образ жизни ведете?

– Полтора десятка лет! Как муж преставился, царство небесное. Но последний год что-то чувствовать себя хуже стала.

– Неудивительно, Ольга Митрофановна. С таким питанием... Удивляюсь, что вы еще живы!

– Так и мать моя говорит, – всхлипнула Суховская. – Моришь себя, Оленька, голодом. Придется завтра ко всему прочему еще рубца заказать, голову телячью, сырников горшочек, а на ужин поросенка. Спасибо, доктор, за совет, а то вся извелась.

Суховской подали бричку, пора было прощаться.

– Может, поедем ко мне? – с надеждой спросила помещица. – Как раз к ужину поспеем.

У Тоннера после разговора с Суховской одна мысль о еде вызывала тошноту; он вежливо отказался, сославшись на усталость после тяжелого дня и бессонной ночи. Глаза помещицы увлажнились. Доктор так мил! Как могли бы они быть счастливы! Видно, не судьба! Когда уже залезла в бричку, подошел Роос. В руках держал букет темно-синих астр (под покровом темноты этнограф нарвал цветов с княжеской клумбы). Знак внимания побудил Ольгу Митрофановну по-новому взглянуть на тщедушного американца. Она кокетливо протянула ему пухленькую ручку, а он, прежде чем поцеловать, долго ее сжимал.

– До свиданья, – проговорил Роос. – Буду ли иметь честь лицезреть вас завтра на охоте?

Еще до перевода Суховская каким-то образом поняла смысл вопроса и торопливо ответила: «Да», – хотя до сего момента ни на какую охоту не собиралась.

Бричка вздрогнула, покатилась и почти сразу исчезла в ночи. Следом уехали и Ростоцкие. Маша перед неизбежным расставанием с Тучиным была грустна. Саша, получив приглашение от Веры Алексеевны завтра посетить их поместье, на прощанье подмигнул девушке, а она ему нежно улыбнулась. Денис огорчился: завтрашний визит задерживал нескорую встречу с Варенькой еще на один день. И так не домой едут, сначала в Петербург, повидать тучинского кузена Владимира Лаевского.

Глава шестая

– Самая любимая моя комната, – сообщил князь. – Нарочно приказал чай сюда подать! Только посмотрите, какая красота!

Гости уютно расположились на оттоманках в «трофейной» комнате. Вечера в сентябре прохладны, согреться горячим крепким чаем никто не отказался.

– У брата здесь библиотека была, но французы книжки сожгли, а я по-своему устроил.

Несмотря на большие размеры, в комнате было тесновато: повсюду стояли чучела убитых Северским животных.

– Никодим, егерь мой, дока в таксидермии, – пояснил Василий Васильевич.

Про каждый трофей князь готов был рассказать подробнейшим образом: в какое время года застрелил да из какого ружья! Ружья висели здесь же, на задрапированных шкурами стенах.

Все вежливо слушали. Кроме застрявших из-за моста путников, в «трофейной» чаевничали Митенька, доктор Глазьев, господин Рухнов и капитан-исправник Киросиров.

– А эта дверь куда ведет? – поинтересовался генерал.

– В мои покои! – сообщил Северский. – Флигеля по бокам дома заметили?

– А как же! – пыхтя трубочкой, подтвердил Веригин.

– В правом мои покои, в левом – матушкины.

– В таком случае разрешите откланяться! – вскочил с места генерал.

– Ничем не помешаете! – поняв причину замешательства, остановил Веригина рукою князь. – В столовой на стульях сидеть неудобно, здесь же вы спокойно отдохнете. Не беспокойтесь, в моей спальне никакой шум не слышен! Вон того волка...

Кроме генерала, искренний интерес к охотничьим достижениям князя проявлял лишь этнограф. Тоннер заметил шахматный столик, перемигнулся с Митенькой, и они сели за партию. После десятка быстрых ходов юноша надолго задумался. Столь сильные соперники ему еще не попадались. Тоннер же, игравший любимый дебют, заскучал.

Из покоев со свадебным платьем в руках вышла горничная Елизаветы Северской Мари. Залихватски подкрутив усы, князь поклонился было гостям, но Мари сказала по-французски:

– Мадам просила сперва зайти мсье Рухнова, а потом – обоих управляющих.

Михаил Ильич удивился, развел руками, обращаясь к князю. Тот, покусывая усы, последовал за ним.

Роос подошел с кожаными томиками в руках к скучавшему у окна Шулявскому.

– Сколько хотите? – не тратя времени на пустые разговоры, поинтересовался поляк.

– Лучшему стрелку, так и быть, – сорок рублей.

– По двадцать за том? – удивился Шулявский.

– Кожаный переплет, ручная работа...

– А неплохой бизнес, как говорят у вас в Америке! И что самое главное, законный! Жизнь моя была бурной, приключений на собрание сочинений хватит! Не начать ли, по вашему примеру, книжки писать?

Американец, не понимая, куда гнет покупатель, достал очередное перо:

– Из головного убора американского индейца...

– А Америка велика?

– О да! Два океана ее омывают...

– Отлично! Значит, есть где затеряться! Nate ваши сорок рублей!

Роос протянул книжки, подозревая, что продешевил, но Шулявский энергично замотал головой:

– А фолианты оставьте себе – сорок рублей я заплатил не за них, а за отличную идею – как закончу дела, перееду в Новый Свет. Сяду на берегу океана и начну книжки писать!

– Что? Россия не нравится? Покинуть желаете? – по-своему истолковал слова поляка Терлецкий.

– Рыба, Федор Максимович, ищет, где глубже, – с достоинством ответил Шулявский, – а человек, где лучше!

– Скатертью дорога, – сверля Шулявского немигающими серыми глазами, процедил презиравший ляхов Терлецкий

Дверь в покои князя снова отворилась. Оттуда вышел задумчивый Рухнов; вместо него зашли оба вызванных управляющих.

– Сашь, глянь, не Боровиковский ли? – В глубине комнаты Угаров обнаружил портрет и поднес к нему свечу, чтобы лучше рассмотреть.

Тучин привстал с оттоманки.

– Почему так решил? – удивился он.

Молодые люди принялись вместе разглядывать парадный портрет черноволосой женщины. Сев вполоборот к художнику, одетая в пурпурное атласное платье прелестница заставила мастера подчеркнуть и соблазнительность небольшой груди, и утонченность длинной шеи, подсвеченной отблесками алмазного ожерелья. Бриллианты блеснули и в тяжелых сережках, украшавших маленькие ушки красавицы. Но ярче всего сверкали карие глаза, смотревшие на зрителя ласково и печально. Матово-бледные руки нежно гладили развалившуюся на коленях болонку.

– Манера очень похожа! Впрочем, в атрибуции я не силен, – сознался Угаров.

– Может, и Боровиковский, – внимательно рассмотрев портрет, согласился Тучин. – Сейчас у князя уточним.

Северский вылетел из покоев, шумно хлопнув за собой дверью.

– Ваше сиятельство! Чей это портрет?

– Какой, к дьяволу, портрет? – грубо бросил раздосадованный Северский.

– Здесь вроде один, – внимательно оглядев еще раз «зоологический музей», протянул Тучин.

– А-а! Этот? Ольги Юсуфовой, жены брата.

– Осмелюсь спросить, ваше сиятельство, чьей кисти работа?

– Не знаю, – раздраженно ответил князь. – Какая мне разница? Я сей портрет продать хотел, благо и желающие были – брат этой красавицы готов был дать любую цену, чуть не на коленях ползал. Мать запретила, дура старая! Пришлось князю Юсуфову художника нанимать, копию делать.

– Бриллианты хороши! – заметил Шулявский. Желая прекратить пикировку с Терлецким, он тоже переместился ближе к портрету.

– Очень хороши! – согласился Северский. – Екатерина Вторая подарила! Ольга Юсуфова была ее фрейлиной, и императрица на свадьбу ей это имение презентовала и в придачу ожерелье с сережками!

– Царский подарок! – восхитился Веригин.

– Только брат все профукал!

– Неужто проиграл? – удивился генерал.

– Кабы проиграл, не так обидно! Закопал! От французов драгоценности пытался спрятать. А где именно, сказал только Кате, племяннице. Брат погиб, а эта дура с колокольни выкинулась...

– Я слышал эту прискорбную историю, – посочувствовал Роос. – Мои соболезнования...

– Соседи насплетничали? – спросил Северский. – Кабы не Элизабета, – князь сжал кулаки, – я бы этих вертопрахов на свадьбу ни за что не пригласил! А драгоценности жаль, очень быгодились. Я их несколько лет искал, весь парк перекопал, да без толку.

– Могу, конечно, ошибаться, – сообщил Роос, – но, кажется, ваши сережки я недавно видел!

– Где? – опешил князь.

– В Париже! Меня пригласил на бал маркиз д'Ариньи. Очень образованный человек, купил три экземпляра моих книг! И жена его прелестна! Мы долго беседовали! Очень умная женщина, прекрасно разбирается в истории...

– Мои сережки тут при чем? – перебил его Северский.

– Как раз в ушах маркизы они и сверкали!

– Вот черт! Значит, французы-мародеры клад выкопали! – топнул ногой князь. – Зря только братец прятал!

– Не расстраивайтесь, князь! Поезжайте в Париж с портретом! – посоветовал генерал. – Я знаком с д'Ариньи. Порядочнейший человек! Покажите портрет, и он непременно вернет ваши сережки!

– Не вернет! – безапелляционно заявил Роос. – После бала их украли! Маркиза в спальне сняла на ночь сережки и положила в футляр с пистолетами. В Париже много грабителей, потому все держат оружие под рукой. Но преступник уже прятался за шторами и все видел. Не успела маркиза лечь в кровать, как он выбежал из укрытия, схватил футляр и выпрыгнул в окно!

– Так и надо маркизу, – обрадовался Северский. – Небось этот «порядочнейший человек» сам здесь и мародерствовал! Бог с ним, пойду-ка я мать навещу. А то женушка никак дела закончить не может!

В анфиладе князь больно стукнул кулаком лакея Гришку, недостаточно почтительно, по мнению Северского, отвесившего ему поклон.

– Чай здесь вкусный, – похвалил генерал, допив третью чашку, – не то что в Калмыкии! Знаешь, как там заваривают? – спросил он адъютанта.

– Никак нет, ваше превосходительство, – заверил командира Николай.

– Тогда слушай! Калмыцкие степи похожи на воронежские, но ни единого деревца там за сотню верст не встретишь. Трава густая в человеческий рост.

Этнограф достал свой блокнот и подсел поближе.

– А сами калмыки – кочевники, – продолжил генерал. – Ездят по степи в кибитках и живут в них же!

– Да что вы говорите, ваше превосходительство! – вскочил с места Николай. Хоть и слушал генеральские байки по сотому разу, к удовольствию командира, демонстрировал живой интерес.

– А что такое кибитка, знаешь? – спросил Веригин.

– Никак нет!

– Это такой плетень. Натягивают его на повозку, обтягивают войлоком. И все. Дом готов.

Из покоев выскочил управляющий именем Северских Петушков. Его трясло, словно в лихорадке, и доктор Глазьев, искавший, с кем выпить, тут же подскочил к нему, щелкнув по горлу пальцем. Петушков отмахнулся, его вечно бегающие глаза наполнились слезами, ни с кем не попрощавшись, он взбежал по лестнице на второй этаж.

Чуть погода покои покинул и управляющий Елизаветы Берг Павел Игнатьевич. Доктор Глазьев мигнул и тому, но снова безрезультатно:

– Спешу! Спешу! Много поручений дала! Спокойной ночи, господа!

Все вежливо кивнули.

– Вижу, в степи кибитка стоит. Приказал остановить. Дай, думаю, посмотрю, как люди живут. – Веригин рассказывал смачно, размахивая руками, и собрал вокруг себя почти всю компанию. Только капитан-исправник Киросиров дремал в сторонке да доктор с Митей играли в шахматы. Почувствовав силу соперника, юноша стал предельно осторожен, в атаку не лез, и доктор, любивший игру обоюдоострую, злился, подбирая ключи к искусно выстроенным редутам на королевском фланге.

Страждущий Глазьев обратился к Рухнову, который и генерала вполуха слушал, и за партией издали наблюдал.

– Французской водочки не желаете? – шепотом поинтересовался местный лекарь.

– Французской? Можно...

– Расстроены? – осведомился, разливая по рюмкам, Глазьев.

– Что? Нет, просто задумался!

– Откинул полог, заглядываю, – продолжал генерал. – А там девица! Очень недурная, должен сказать. Сидит, что-то шьет, трубку курит.

– Да что вы говорите? – снова делано изумился Николай.

– Моя индейская жена тоже курила, – вспомнил этнограф.

– Я зашел и сел. Девица тут же предложила мне свою трубку. Я отказываться не стал, затянулся, а сам поближе придвинулся. Спрашиваю: «Как звать-то тебя?» Что ответила, сразу забыл. Имена такие, что записывать надо. Я следующий вопрос: «А лет тебе сколько?»

– Вот чудеса, калмычка по-французски понимает! – не унимался адъютант.

– А моя жена не понимала. Может, курила слишком много? – огорчился этнограф.

– Я по-русски спрашивал, – пояснил генерал и окликнул вернувшегося в «трофейную» князя: – Василий Васильевич! Как здоровье матушки?

– Спасибо, лучше! – У Северского явно поднялось настроение, он довольно улыбался. – Прощения у Кати просит!

– У какой Кати? – изумился генерал.

– Как всех сумасшедших, мою матушку посещает призрак.

– Такое часто бывает! – подтвердил Веригин.

– Родительница вбила себе в голову, что виновна в смерти моей племянницы, той, что с колокольни сиганула. И когда «призрак» ее посещает, просит у Кати прощения!

– Не дай, как говорится, Бог сойти с ума, – расстроился Веригин.

– А для вас у меня хорошая новость! – перевел разговор Северский. – Никодим в лесу вепря встретил! Загоним его завтра вместо зайцев?

– Отличная мысль! – вскочил Веригин.

– Охота будет славная! Ну, мне пора! – улыбнулся князь. – Спокойной ночи, господа!

– И сколько было лет вашей степной Цирцее? – уточнил у генерала Терлецкий, предлагая продолжить прерванный рассказ.

– Ах да! Подумала она немного и отвечает: «Десять и девять», а сама улыбается мне ласково-ласково. Лица у калмыков и так широкие, а в улыбке рот просто до ушей. Я еще ближе придвинулся. Она, не вставая с места, сушеной кобылятинки подала, мол, угощайтесь, что калмыцкий Бог послал. Такая соленая, ужас, но для приличия стал жевать. Тоже улыбаюсь и дистанцию сокращаю до минимума. Спрашиваю: «Запить-то есть чем?» Девица в ответ: «Чая». Ну, чай так чай. А в моем рту уже можно селедок солить! «Наливай поскорей», – говорю. А посередине той кибитки костерок горит и на нем котел.

– Удивительно! – не преминул встрять адъютант. – А дым-то куда уходит?

– Отверстие сверху кибитки проделано. Калмычка моя подошла к котлу, налила в чашечку и подала с поклоном. А сама предо мной села. Я решил: время боле не тянуть, хлебну, утолю жажду – и в атаку, другую жажду утолять. Делаю глоток и...

Генерал выдержал паузу.

– И выбегаю из той кибитки. Чай калмыки варят с бараньим жиром, опять же с солью, но это я только потом узнал. Вкус, доложу вам, омерзительный! Ну, само собой, плотское желание испарилось. Приказал гнать подальше от той кибитки. До сих пор, как вспомню, хочется выпить.

Поискав глазами, генерал заметил в руках у Глазьева пузатую бутылочку.

– Это чегой-то вы там втихаря распиваете? Не коньячок ли?

– Коньячок, коньячок, – подтвердил местный доктор. – Живительная влага. Михаил Ильич смурной сидели-с. Плеснул ему, и уже улыбается.

Рухнов действительно улыбался, но как-то отрешенно, словно не слышал ни генерала, ни Глазьева.

– И мне плесните, – попросил генерал.

Глазьев налил Веригину щедро, тот жадно выпил.

– Это кто ж так сладко храпит? – Генерал уставился на выводившего громкие, со свистом рулады Киросирова.

– Местный исправник!

– Разбудить! – приказал генерал Николаю. Тот затряс спящего.

– Генерал-майор Веригин, – громко представился Павел Павлович.

– Капитан-исправник Киросиров, – подскочил и вытянулся лысый господин.

– Очень приятно, – хлопнул его по плечу Веригин. – А за знакомство надобно выпить.

Николай, чарку коньяка!

– При исполнении не могу, ваше превосходительство, – извинился Киросиров. – Завтра дезертиров еду ловить!

– Зачем ехать-то? – удивился генерал. – Вон они! – Павел Павлович ткнул пальцем в сторону художников Тучина и Угарова: – В армии не служат, картины малюют.

– Мы не дезертиры! – обиженно заявил Угаров удивленному исправнику. – Его превосходительство шутит!

– А раз не дезертиры, извольте выпить со стариком. Уважьте друга ваших папаш!

– Денису наливать – добро переводить! Пьет, не пьянея! – засмеялся Тучин.

– Врешь! – не поверил генерал.

– Святой истинный крест, – побожился Угаров, которому Николай тут же поднес стакан с коньяком.

– Э! Нет! – запротестовал Веригин. – Раз этакое хвастовство, надобно серьезный опыт провести. Гришка!

Из буфетной, тянувшейся вдоль всей правой анфилады и имевшей выходы не только в ротонду и «трофейную», но и в остальные комнаты, появился Григорий.

– Ик, – сказал он. – Слушаю, ваше превосходительство.

– Шампанское осталось?

Гришка кивнул.

– Тащи сюда, – приказал генерал.

Лакей вернулся быстро, неся в каждой руке по две бутылки. В винном бокале генерал сам смешал коньяк с шампанским в пропорции один к одному.

– Это гусарский напиток, «медведь» называется, – пояснил он этнографу, протягивая бокал Денису. – Пей, сынок!

Угаров спокойно, как компот, осушил бокал.

– А почему «медведь»? – заинтересовался Роос.

– Сами попробуйте, и все поймете

Тоннер делал американцу отчаянные знаки, но тщетно – Роос их не заметил.

– Вкусно, – выпив, сказал он и тотчас плюхнулся в кресло. Все сразу стали ему милы: и странный поляк, и грозный генерал, и чересчур серьезный доктор Тоннер. Еще утром никого

из них не знал, а сейчас они вдруг стали родными людьми. Захотелось сказать им что-то очень приятное.

– Господа, как же мне нравится ваша страна! Давайте за нее выпьем! Виват, Россия!

– Молодец, ученый, – обрадовался Веригин. – За такой тост надобно выпить всем. А что это я разливаю, что твой лакей? Ну-ка, Гришка, обеспечь собравшихся.

Трясущимися руками лакей принялся смешивать коньяк с шампанским, а адъютант раз-носил.

Тоннер сначала покачал головой.

– Почему, милый Илья Андреевич? – Веригин подошел к доктору, который только что в результате долгой комбинации выиграл коня. Теперь участь Митенькиного короля была пред-решена.

– Печенка пошаливает, знаете ли, – безыскусно соврал доктор.

Митя взялся за ладью, и Тоннер внезапно увидел, что это не юноша зевнул, а сам доктор, погнавшись за подставленной фигурой, проглядел мат в два хода. Молодой человек опустил туру и торжествующе посмотрел на Илью Андреевича. Тому оставалось лишь развести руками.

– Что ж! Сдаюсь. – Тоннер положил своего короля на доску и протянул Мите руку. – Вот, Пал Палыч, молодой человек усыпил меня осторожной тактикой, а потом сделал разящий выпад.

Генерал обнял Митю и сунул ему тоннеровский бокал:

– Молодец! Хорошим воином будешь! Тактика – она везде, брат, тактика. Что за доской, что на поле брани. Давай выпьем!

– А лет-то вам сколько? – спросил Митю доктор. По фигуре можно было все восемна-дцать дать – юноша был высок, плечист, а вот лицо детское, и юношеские прыщи не сошли!

– Шестнадцать! Двадцатого декабря исполнится!

Тоннер забрал коктейль:

– Тогда уж лучше выпью я!

Терлецкий, Глазьев и Рухнов отказываться не стали, а Шулявский замахал рукой.

– Вынужден отказаться. На мой вкус, смесь коньяка с шампанским ничем не лучше кал-мыцкого чая.

– Ну, сравнил божий дар с яичницей! – возмутился Веригин.

– Я лучше выпью просто шампанского!

Генерал пожал плечами. Что взять с поляка? Повернувшись, заметил, что и Тучин нали-вает себе игристое.

– Позволь, и ты нашим «медведем» манкируешь?

Тучин смутился:

– Свойства данного напитка мне знакомы. В силу нескольких обстоятельств хотел бы сохранить к утру ясную голову.

Угаров пришел на выручку другу:

– Готов выпить и за Сашу!

– Хм, это по-гусарски. Налейте-ка ему вторую.

Генерал с адъютантом тоже взяли по бокалу. Все чокнулись. Веригин с интересом следил за Денисом. Осилит второй? Тот его выпил, словно стакан воды.

– Ты куда собрался? – шепотом спросил Угаров Тучина.

– Порисовать, – ухмыльнулся Саша.

– Забыл, как спасались из Флоренции? Хозяин гостиницы имел все основания сделать тебя своим зятем!

– До сих пор сожалею, – снова ухмыльнулся Тучин. – Его сын мне нравился больше, но дочка согласилась первой!

Генерал быстро захмелел и стал ко всем обращаться на «ты», что, впрочем, не вызывало возражений.

– Ты, Денис, молодец. Весь в батьку. Пил, как бегемот. А твой, – обратился к Тучину, – в картишки любил. Сметаем по маленькой? Или снова обстоятельства?

Тучин улыбнулся – он любил абсолютно все пороки.

– С удовольствием, Пал Палыч. Григорий, ну-ка, карты!

– А карт в доме нет, – сказал Митенька. – Только колода для пасьянсов, Анна Михайловна раньше их раскладывала. А игральные держать запрещала, чтобы Василия Васильевича в соблазн не вводить.

– Ну вот, здрастье, – огорчился генерал. – Что делать? Я всегда с собой вожу, но, как на грех, запас израсходовал. Неужели ни у кого карт с собой нет, а, господа?

Все отрицательно покачали головами.

– У меня есть, – сказал Шулявский. – Пошлите Гришку в мою комнату, там слуга сторожит вещи.

– Бойтесь, обворуют? – удивился Терлецкий. – Вряд ли это возможно! В доме ночует капитан-исправник.

– Вот именно, что ночует, – улыбнулся Шулявский.

Киросиров и впрямь опять улегся на оттоманку и сладко присвистывал.

– Да и вообще полицейские вора не помеха, – заявил поляк. – Перед фейерверком я заглянул ненадолго к себе в комнату и обнаружил, что кто-то рылся в моих вещах.

– Это невозможно, – сказал Митя. – Все слуги у нас честные, служат много лет. Исключено!

– Возможно, мне показалось. А может быть, это не слуги. Так или иначе, я запретил Кшиштофу отлучаться из комнаты. Гришка, сходи. Пусть даст карты.

– И отведи исправника в его покои. – Генерал ткнул пальцем в Киросирова. – Нашел где спать!

Разложили ломберный стол.

– Во что будем играть, в преферанс или в вист? – спросил этнограф. Все, к его удивлению, расхохотались.

– В такие игры старички в деревнях режутся, когда в дурачка надоест, – ответил генерал.

– Чем плох преферанс? – изумился Роос. – Подобно шахматам, развивает ум и память. А как играть интересно! Плывя из Египта, я сопернику на его мизере пять взяток засунул.

– Нам, русским, обыгрывать соперников неинтересно. Играем исключительно с судьбой, – заявил ге-нерал.

– Это как? Что за игра?

– Называется по-всякому: банк, фараон, штосс. Суть одна: выбираешь карту, делаешь ставку. Один из игроков, он-то и есть рука судьбы, мечет колоду – карту вправо, карту влево. Если загаданная влево легла – обыграл судьбу, сгребай деньги. А если вправо – плати сам.

– Кому платить? Судьбе, что ли? – спросил Роос.

– Банкомету. Значит, его судьба выиграла.

Гришка вернулся, притащив ящичек, в котором лежало дюжин шесть, не меньше, запечатанных колод.

– Зачем так много? – изумился Роос.

– Более раза не сдают, не положено-с, – пояснил Глазьев.

Генерал, взяв в левую руку одну из крест-накрест запечатанных колод, резко ее сжал. Заклейка с треском лопнула. Веригин стасовал карты.

– Ну, кто будет рукой судьбы? Господа, называйте карты. Чья первой выпадет, тот и мечет.

– Семерка, – сказал Тучин.

– Туз, – назвал свою Роос.
– Тройка, – после некоторых размышлений объявил Терлецкий.
– А я на даму. – Генерал тасовал колоду и готов был метать. – Ну а остальные что молчат?

– Я, ваше превосходительство, пока средств не имею, чтоб ставить, – заплетающимся голосом сказал Рухнов.

Митя тоже отрицательно покачал головой.

– Господа доктора, называйте карты, – призвал Веригин.

– Я, как и Михаил Ильич, денег не имею-с, – сказал Глазьев. – Пас, пас и пас.

– Столичные медики, надеюсь, более обеспечены?

– А я, Павел Павлович, с судьбою не играю. Отношусь к этой особе серьезно и доверять картинке считаю опасным.

Генерал кончил тасовать:

– А вы, пан Шулявский, что молчите?

– Отец мой был отчаянным игроком, проиграл, по-моему, все, кроме нас с матерью. Упомянутая судьба дала нашей семье сатисфакцию – в карты я никогда не проигрываю. Поэтому играть со мною неинтересно.

– С какими удивительными людьми я сегодня познакомился! – воскликнул генерал. – Один бахвалится, что пьет не пьянея. Кстати, Гришка, налей ему третий бокал. И почему он карту не называет?

– Семерка.

– Давайте, Шулявский, называйте карту, – сказал генерал. – Проверим и ваш талант.

– Как угодно, генерал. Валет.

Генерал, открыв, кинул влево первую карту. Все ахнули. Валет пик.

– Ух ты, соника взял! – завистливо сказал Рухнов.

– Кого взял? – переспросил Роос.

– У игроков в азартные игры свой, только им понятный язык, – сказал Тоннер. – Обычно это исковерканные французские слова. «Соник» – выигрыш с первой карты.

Генерал кинул колоду, из которой сдал валета, под стол и тут же взял новую. По колоде взяли и все остальные. Адъютант вопросительно посмотрел на генерала. Тот кивком разрешил ему принять участие в игре. Банкомет Шулявский занял место по одну сторону стола, противники встали по другую. Почти одновременно все стиснули колоды и, бросив обертки на пол, достали карты.

– Банк двести рублей ассигнациями, – произнес поляк и положил на стол две радужные бумажки.

Понтеры – именно так назывались соперники судьбы – вытащили каждый по карте и положили на стол рубашкой вверх рядом с поставленной банкнотой. Терлецкий и Угаров выложили по красненькой десятке, генерал с Тучиным достали по четвертному, этнограф вытащил пять рублей.

Шулявский тасовал быстрыми, отточенными движениями, сам при этом глядя на понтеров, их карты и ставки. Когда те были сделаны, начал метать. Карта направо, карта налево.

– Каждая прометанная пара карт называется абцуг, – продолжал просвещать Роос Тоннер.

Направо выпала семерка, Терлецкий перевернул свою карту – это оказалась семерка треф, пододвинул свою банкноту Шулявскому и сказал:

– Пас. С ходу не сvezло. Пропущу-ка я эту талию!

– Талию? – переспросил Роос.

– Промет всей колоды так называется.

Поляк продолжал метать. Через абцуг направо полетел валет. Закряхтел генерал – он как раз его загадал.

– Зря. Мальчик опять к вам пришел, пан Шулявский. Но, один черт, попробую еще разок. Ставлю на рут, – и достал еще одну четвертную.

– Что ставит? – переспросил Тоннера Роос.

– В колоде, как известно, четыре валета. На первом генерал проиграл, но кто знает, куда ляжет второй? Он снова поставил на ту же карту.

Но налево в следующем абцуге полетела дама. Радостный Тучин перевернул свою карту. Дама!

– Мой отец, как заметил господин генерал, тоже увлекался картами, – заявил юный художник. – Но в отличие от вашего батюшки, пан Шулявский, ничего не проиграл, только приобрел. У меня его способности.

– Что ж, посмотрим, чья наследственность лучше, – усмехнулся Анджей. – Вы ставку в этой талии будете делать?

– Непременно, – ответил Тучин и загнул угол даме.

– Значит, удваивает ставку на эту же карту, – вновь пояснил Тоннер.

– Вроде простая игра. А сколько правил, необычных слов. Если мою карту побьют, я, пожалуй, больше ставить не буду. Надобно все записать, – решил американец.

Его желание тут же исполнилось – туз полетел направо, и Роос, пододвинув пятерку к Шулявскому, достал карандаш и стал яростно черкать в блокноте.

Вновь полетела налево дама. Саша засиял и загнул еще угол.

– Он учетверил, правильно я понял? – уточнил этнограф.

– Да, все верно.

За нескольких следующих абцугов были биты карты Угарова и Николеньки. Они отпасовались. Потом вновь направо ушел генеральский валет. Тоже пас. Теперь все ждали даму.

– Точно в вашей колоде их четыре? – спросил Тучин.

– Может, и больше, но никак не меньше, – отшутился пан Анджей. – Терпение, мон шер, терпение.

Дама легла влево.

– Все, банк пуст, талия закончилась, – разъяснил доктор.

Шулявский, скинув карты под стол, рассчитался с Тучиным и тут же достал новую колоду. Роос заметил, что полетела под стол и проигранная им пятерка, нагнулся было, чтобы поднять, но генерал его остановил:

– Право, неприлично. Все, что упало, – добыча лакеев.

– Размялись? – спросил поляк. – Давайте-ка увеличим банк, раз тут такие везунчики. Ну хотя бы до пяти сереньких.

Поляк бросил на стол пять двухсотенных ассигнаций. Все покачали головами. За столом остался лишь Тучин. Он тоже распечатал новую колоду. Вытащил карту, потом другую, долго думал, поискал третью и, наконец, выбрал. Положил на стол картинкой вниз, прикрыв «катенькой» и четвертной.

– Сто двадцать пять!

Шулявский снова начал метать. Тоннер не сомневался, что Тучин опять поставил на даму. Когда первая из них легла влево, Саша улыбнулся и загнул на карте сразу два угла.

– Это ж в четыре раза! – изумился Николай.

Все в волнении следили за игрой. Шулявский кинул на стол еще пять сереньких ассигнаций³.

³ Государственные ассигнации до– стоинством 200 рублей были серого цвета.

– Ничего себе! Налейте-ка мне еще «медведя», – заплетающимся языком попросил Рухнов. Гриша неохотно оторвал взгляд от стола и быстро наполнил бокал.

Вторая дама ушла вправо. Шулявский наконец улыбнулся, а Тучин побледнел. Дрожащими руками он начал загибать оставшиеся два угла.

– Сашка, остановись, – взмолился Угаров. – Помнишь, чем закончилось в Венеции?

– Помню! Ты не дал мне пристрелить шулера! Да к черту эти углы. Трантильва!

Сначала все ахнули, а потом стало так тихо, что все услышали треск стеариновых свечей.

– В тридцать раз! – не веря ушам, пояснил Тоннер.

– В банке-то две тыщи! – напомнил Терлецкий.

– Увеличиваю банк. Ставка принята! – У Шулявского задрожали руки. Тучин облизнул пересохшие губы:

– Сдавайте, чего ждете?

Теперь поляк метал медленно. Все, замерев, смотрели, как переворачивались карты в его руках. Десятка, пятерка, король, туз, опять десятка... Валет, восьмерка, туз...

– Мне тоже «медведя», – попросил генерал.

Гришка неохотно оторвал свой взгляд от игры... И тут же услышал общее «Ох!». Дама легла вправо. Шулявский перевел дух и кинул колоду под стол.

– Можно карандаш? – попросил он этнографа. Взяв двухсотрублевую ассигнацию, принялся прямо на ней вычислять выигрыш. – От волнения боюсь ошибиться. На бумаге будет вернее. Пятнадцать тысяч триста семьдесят пять! Давайте рассчитаемся, молодой человек.

Тучин не мог прийти в себя.

– Вы метали баламут, выигрыш бесчестный. – Глаза Александра налились кровью.

– Что он сказал? – спросил ничего не понявший Роос.

– Метать баламут – это значит растасовать колоду и сдать ее шулерским способом, – пояснил Тоннер.

– Я понимаю ваше состояние, – спокойно сказал Шулявский. – Проигрыш велик, но кто ж вас заставлял трантильву объявлять? В следующий раз будьте аккуратнее!

– Вы метали баламут, – как заведенный, повторял Тучин.

– Ты видел это? – спросил генерал.

– Я уверен. Только так у меня можно выиграть. Вы – шулер, – заявил Тучин Шулявскому.

– О, я слышал про российские нравы, – сказал Роос. – Сейчас господин Шулявский вызовет его на дуэль!

– Хороших игроков всегда обвиняют в шулерстве, – спокойно заметил Шулявский. – Знаете, юноша, у меня сегодня удачный день. Может быть, самый удачный в жизни. И никого убивать я не собираюсь. Отдайте деньги и пойдемте спать.

Тучин, отсчитав из бумажника деньги, отдал их Шулявскому. Поляк начал было прятать купюры в бумажник, но в это время Саша, достав из кармана перчатку, кинул ее ему в лицо. Угаров хотел удержать друга, но опоздал.

– Что ж! К вашим услугам, – Шулявский щелкнул каблуками.

– Пусть ваш секундант обговорит с Денисом условия поединка. Встретимся на рассвете. – Тучин тоже щелкнул каблуками

– Настаиваю на поединке немедленно, – ответил Шулявский. – На рассвете хочу уехать. Опаздываю в Петербург.

– Вы выбрали время. Значит, я выбираю оружие – пистолеты! Так кто ваш секундант?

Шулявский осмотрел присутствующих. Все отвернулись. И дуэлянтам, и секундантам грозило одинаковое наказание. Особенно жестоко страдали «государевы люди»: военных ссылали солдатами на Кавказ, чиновников увольняли со службы, могли и в тюрьму посадить.

– Господа! – обратился к компании Шулявский. – Окажите содействие.

Все молчали.

– Боюсь, мне придется оскорбить вас, юноша, пригласив секундантом слугу. Никто не решается.

– Давайте буду я, – неожиданно сказал Рухнов. – Только пусть еще «медведя» нальют.

Глава седьмая

– Никогда не видел ночных дуэлей. – Генерал выглянул в окно. – Впрочем, луна полна, небо безоблачно. Ну-с, секунденты, обговорили условия?

Рухнов с Угаровым совещались меж собой в центре комнаты, но через каждую минуту подходили к своим подопечным, которые расселись по разным углам, что-то обсудить.

– Ваше превосходительство, проблема-с вырисовывается! – Рухнов попытался изобразить на пьяном лице озабоченность, отчего стал похожим на обезьянку.

– Проблема нарисовалась давно, – ответил генерал, выразительно посмотрев на Тучина. Тот не обратил на его взгляд внимания.

– Пистолетов дуэльных нет. То есть пистолеты есть, их именно сегодня господин Шулявский князю преподнесли-с.

– Все-таки секунденты должны быть трезвыми. Я ничего не понял. Пистолеты есть или нет?

– Есть. Но молодой человек, – Рухнов кивнул на Угарова, – утверждают-с, что нельзя стреляться оружием, знакомым одному из противников.

– Я дал пояснения, – приподнялся в своем углу Шулявский. – Подаренную пару выиграл в карты недавно и стрелял сегодня из пистолета в первый раз, впрочем, как и господин Тучин.

– Да, это несколько нарушает правила, – задумчиво произнес генерал. – Но в них же сказано, что оружие должно быть одинаковое. Где мы другие пистолеты возьмем? Ни у кого нет?

Как и в случае с картами, все покачали головами. Генерал подошел к богато инкрустированной шкатулке, несколько часов назад подаренной молодой чете, вынул пистолеты и заглянул внутрь. Кроме них, там лежали два зарядных шомпола, деревянный молоток, пороховница с меркой, отвертка, пулелейка, запасные кремни, склянка с маслом, какая-то щеточка и пакля. Имелись и уже отлитые свинцовые пули.

Генерал осмотрел пистолеты, первый от второго отличался лишь цифрой на стволе:

– Лепаж! Кому-то из вас повезет! Быть застреленным из такого оружия очень даже куртуазно, – пошутил Веригин.

– Но господин генерал... – Угаров пытался найти какой-нибудь предлог, чтобы расстроить дуэль.

– Не из ружей же стреляться! – оборвал его Павел Павлович. – Не верить дворянину, пусть и польскому, оснований нет. Можно считать, что с оружием соперники знакомы одинаково. Остальные условия определили?

– Да, – ответил Рухнов. – Господин Тучин настаивает на подвижной дуэли. Сходятся с тридцати шагов.

– Хм, – расстроился генерал. – Разве это дуэль? С тридцати шагов лишь трусишки стреляются.

– Барьеры на расстоянии десяти.

– Вот это по-нашему!

– С десяти шагов? – ужаснулся Роос. – Это же убийство!

– Пан Шулявский не возражает, – закончил Рухнов.

– Прекрасно. Господа, время позднее. Чего тянуть? Пойдемте в парк, – предложил генерал. – Доктора, надеюсь, с нами? Вдруг раненым понадобится помощь?

Веригин взглянул на Глазьева. Тот заснул в кресле с очередным бокалом «медведя» в руках.

– Похоже, доктор у нас остался один. Опытом обладаете? – Павел Павлович подошел к Тоннеру.

– Да, – ответил Илья Андреевич. – И большим. В последнее время появилась мода стреляться в присутствии доктора. Потому в Петербурге почти не высыпаюсь! Все дуэли, как на грех, ранним утром.

– По дружбе ездите или за деньги? – уточнил с издевкой Терлецкий.

– Встать в полпятого могу лишь за вознаграждение, – сказал Тоннер.

– Доктора всегда извлекали выгоду из дуэлей. – Генералу вспомнилась очередная байка. – Я тогда полком командовал. Мой ротмистр Иванов-четвертый...

– Имя Иванов, а фамилия Четвертый? – уточнил, как всегда, записывающий Роос.

– Тьфу, дурак! – в сердцах выругался генерал на родном языке. – Мало того, что перебивает, так еще чушь несет. – И снова перешел на французский: – Иванов! Фамилия такая, очень распространенная, оттого во всех полках Ивановых как собак нерезаных. Вот и приходится различать. Первый, кто поступит, – Иванов-первый, следующий – Иванов-второй. Так вот, ротмистр Иванов-четвертый не поделил со штаб-ротмистром Ивановым-пятым некую девицу, Труболыс ее фамилия. Понять даму можно! С такой фамилией хочется поскорее замуж выйти, но Труболыс эта, как буриданова ослица, не могла решить, за какого из Ивановых? И посему каждому подарила надежду. На этой почве между четвертым и пятым возникла непримиримая вражда. Оба ходили от ревности бледные, с глазами, налитыми кровью, и держались петухами. Долго сие, сами понимаете, продолжаться не могло, и однажды один другого по пустячному поводу вызвал на дуэль. Четвертый выстрелил первым и прострелил пятому бедро. Тот упал, но вы знаете, раненый имеет право свой выстрел и лежа сделать. Прицелился и тоже прострелил четвертому бедро. Оба попали в лазарет. Я сумел разбирательство замять, уж больно офицеры были хорошие, рапорт написал, что несчастный случай произошел на стрельбах. Но приказал штаб-лекарю поместить их в одну палатку – мы тогда в лагерях стояли, не на квартирах. Лежат они бок о бок, ослица та, труболысая, к обоим ходит, пирожки домашние носит. Долго лечились! И так, знаете, сдружились, что по выходе из лазарета решили, чтобы впредь не ссориться, с этой дамочкой обоим лямур закрыть.

– И стоило стреляться? – пожал плечами Терлецкий. – Надо было с самого начала труболысхе той от ворот поворот дать! Я только не понял, при чем тут выгода докторам?

– А вот при чем, – усмехнулся Веригин. – Брошенная обоими Ивановыми, эта самая Труболыс вышла замуж за лечившего их штаб-лекаря. Он как раз Ивановым-шестым оказался.

Место для поединка было выбрано быстро. Почти полная луна ярко освещала кусок аллеи. Угаров воткнул захваченную из княжеской усадьбы саблю в землю и стал отмерять шаги. Хмельной Рухнов громко их отсчитывал:

– Восемь, девять, десять.

Денис воткнул в землю вторую саблю. Потом в том же направлении отмерил еще десять шагов и палкой провел черту. Вернувшись к первой сабле, Угаров сделал десять шагов уже в противоположную сторону, обозначив черту и там.

Михаил Ильич попытался открыть шкатулку, но чуть не уронил, хорошо Николай ее на лету поймал.

– Боюсь, мой секундант зарядить пистолет не в состоянии, – констатировал Шулявский.

– Не беспокойтесь, милостивый государь. Заряжу в лучшем виде, – пролепетал Рухнов. Поляк покачал головой и обратился к Веригину:

– Не будете ли против правил, если оба пистолета зарядит ваш адъютант?

– Думаю, нет, – ответил генерал. – Оружие заряжают либо секунданты, либо специально приглашенный оружейный мастер. Никто не будет против, если его роль исполнит Николай?

Все согласились. Адъютант справился с заданием быстро. Сначала меркой отмерил порох и в каждый из пистолетов засыпал по золотнику. Затем принялся за пули. Каждую обернул в кожаный пластырь и, легонько постукивая деревянным молотком по шомполу, протолкнул по очереди в стволы.

Секунданты о чем-то тихо посовещались. Угаров подошел к Веригину:

– Ваше превосходительство! И я, и Михаил Ильич неопытны в дуэлях. Поэтому просим вас стать распорядителем!

Генерал внимательно посмотрел на Угарова:

– Похоже, не врал. Выпил три бокала – и ни в одном глазу. Несчастный ты человек! Даже напиться не можешь! Хорошо, так и быть. Принимаю командование на себя.

Генерал занял командный пункт, встав ровно посередине между саблями, но сойдя с аллеи почти на аршин. За его спиной разместились адъютант с доктором. Роос, отойдя подальше, достал свой блокнот. Веригин прокашлялся:

– Господа дуэлянты, снимите с себя все, что может задержать пулю.

Шулявский вынул из кармана фрака пухлое портмоне и вкупе с какой-то бархатной коробочкой отдал Рухнову. Тучин снял длинный, сковывавший движения темный сюртук и отбросил в сторону, оставшись в сорочке.

– Теперь, господа дуэлянты, займите свои места.

– Я очень прошу, не убивайте моего друга! – обратился Угаров к Шулявскому. – Александр чересчур высокого мнения о себе и потому вспыльчив.

Поляк ответил серьезно:

– Если я его не убью, он наверняка застрелит меня с десяти шагов. Сожалею, но выполнить просьбу при всем желании не смогу. – В глазах Угарова появились слезы. Он надеялся, что ему удастся уговорить Шулявского. – Однако соглашусь принять извинения.

– Я попробую убедить Александра, – с надеждой сказал Угаров. – Спасибо.

Генерал тем временем продолжал:

– Секунданты, отнесите своим доверителям оружие.

Рухнов взял из рук Николая пистолет и отправился к Шулявскому. Угаров быстро раскланялся с поляком, добежал до адъютанта, схватил пистолет и устремился к Тучину. Отдав оружие, стал яростно ему что-то доказывать. Но Александр лишь мотал головой в ответ.

– Все, все, все, – воскликнул генерал. – До окончания поединка дуэлянты обязаны сохранять молчание. Секунданты! Займите свои места.

Рухнов и Угаров встали по разные стороны от дороги, рядом с барьерами-саблями.

Генерал напомнил правила:

– По моей команде «Сближаться» начинайте движение к своим барьерам. Но вы вправе и остаться на месте. Пистолет держите вертикально, дулом вверх. Стрелять можно в любой момент, однако на ходу нельзя! Решил сделать выстрел – остановись, прицелься, пли. Ежели вдруг в последний миг передумали, можете снова идти вперед, но не забудьте поднять дуло вверх.

– А после выстрела? – спросил Роос.

– Тут в зависимости от результата. Если соперник убит – мои поздравления. Если нет – стойте, где стреляли, и ждите пулю в ответ. Ждать, кстати, долго не доведется – у соперника на выстрел всего полминуты. У кого часы с собой?

– У меня, – сказал Тоннер и достал из нагрудного кармана хронометр – подарок благодарного пациента.

– Засеките время первого выстрела, будьте так любезны, – попросил Веригин. – Кстати, если второй стрелок ранен, на выстрел отводится не полминуты, а целых две. Всем понятно?

Шулявский и Тучин утвердительно кивнули.

– Не желаете примириться?

Шулявский помедлил, но Тучин уверенно помотал головой. Мол, ни в коем случае. Поляк повторил его движение. Угаров в отчаянии топнул ногой.

– К поединку готовы?

Снова утвердительные кивки.

– Курки взвести!

Разговоры на аллее прервали ночной сон старой вороны. Она кружила над парком и выражала недовольство резким карканьем.

Денис во все глаза смотрел на Сашу. Сейчас генерал даст команду сходитьсь. Шулявский – превосходный стрелок, с пятнадцати шагов попал в яблоко. Тучин не успеет и шага сделать, как получит пулю в лоб. Господи, как быть?!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.